

Ю.А.Черниенко

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО ДЕЛА НА САБАТИНОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

YA. Chernienko. Some Research Results and Problems in the Study of Construction Works on Sabatinovka Settlements in North-Western Black Sea Region.

The past two decades, and especially the last one, saw a substantial progress in the study of construction works on Sabatinovka settlements in the north-west Black Sea region. Still many studies lack a clear system of description and classification of features and use irregular terminology. Many features, especially in the steppe Boug river region are not published. This paper offers a classification and description of each "construction cell" ("architectural unit") by a number of aspects, beginning with components of wall basements, with a critical analysis of my colleagues' opinions and of my earlier works dedicated to one or another aspect of these problems. The walls are primarily characterised following the principles proposed by S.D. Kryzhitskii for ancient masonry, yet taking into account its peculiarities typical of Sabatinovka epoch. The paper points out the difficulties in determining how much deepened are the features characterised by form, area, function, etc. Complexes of features are considered, mainly their lay-out. Architectural blocks of some Sabatinovka settlements in the studied region are compared. Characteristics of the settlement lay-outs is provided with some attention paid to linear concentrations of the latter. While analysing concepts proposed by the colleagues, attempts of sociological reconstructions are undertaken based on analysis of the features. It seems that the settlement Voronovka II was inhabited by extended and small nuclear families with the former prevailing. There probably existed patronimy. The supposed hierarchy of settlements along with the other circumstances allows comparing the Sabatinovka culture with the most archaic stage of the early complex societies of agricultural and stock-raising version of the non-urban way of development. A special focus is on the critics of distinction of the Sabatinovka "proto-towns" etc. The Sabatinovka settlements did not advance in their evolution farther than the stage of quasi-towns.

Со времени постановки автором данной статьи вопроса о принципах характеристики строительного дела населения Северо-Западного Причерноморья в эпоху поздней бронзы (Черниенко 1989б) изучение соответствующей проблематики заметно продвинулось. Особо хотелось бы выделить подробную публикацию поселения Вороновка II (Ванчугов и др.1991), давшего колоссальный и многообразный материал для изучения домостроительства эпохи поздней бронзы. Довольно обстоятельно охарактеризованы строительные остатки, исследованные на этом памятнике (Ванчугов и др. 1991: 8-33, 52-53, 60-61; Кушнір 1991: 43-57, 65-67, 70, 73-76, 82-88, 90-91), предложены графические реконструкции построек (Ванчугов, Раллев 1999; Кушнір 1999: 81,167). Опубликованы краткие характеристики и более подробный анализ строительного дела населения сабастиновской культуры Северо-Западного Причерноморья, в т.ч. сопоставления по выделенным регионам (Черниенко 1991: 130; 1994; 1997; Елисеев, Ключинцев 1997: 44-46, 49; Кушнір 1999: 22-24, 27, 38-57, 61-77, 82-88, 90-101, 145-146, 181, 184). Рассматривались отдельные аспекты соответствующей проблемы (см. ниже).

В настоящей работе, кроме поселения Вороновка II, к сожалению, учтены в основном памятники, раскапывавшиеся небольшими площа-

дами. Хотя и появляются обобщения по строительному делу сабастиновцев или отдельным аспектам этой проблемы, основные главным образом на материалах поселений, исследованных более или менее значительными площадями в степном Побужье (Шарафутдинова 1989: 256; 1989а: 172, 175-177; 1990; Елисеев 1990; 1994; 1995; 1996: 120; 1997; Балушкин 1990: 81; Шапошникова 1992: 81-82; Ключинцев 1993: 24-26, 28-33, 35-70, 74, 86-87, 98-99, 101-103, 146, 149, 154, 156, 158, 159; 1993а: 5-11, 14-15; 1995: 5-14, 17, 22-24; 1997: 96, 97; 1997а; Елисеев, Ключинцев 1995; Южно-Украинская АЭС и археология 1995: 7; Шарафутдинова, Балушкин 1997: 36), западная часть которого — правобережье Южного Буга является (во всяком случае, формально) восточной окраиной Северо-Западного Причерноморья, сами источники — строительные остатки на соответствующей территории, всё ещё остаются малоизвестными для широкой научной общественности, т.к. о последних в литературе, в лучшем случае, имеется скудная информация (Никитин 1971: 64; Шапошникова и др. 1977: 389; Шарафутдинова 1979;1987; 1988; 1989: 256; 1989а: 171, 172, 176, 177; 1990: 83; Ключинцев 1981: 46; 1993: 37, 45-50, 52-53, 63-67, 69, 158, 237.264; 1993а: 5-7; 1995: 9-12; 1997а; Елисеев 1981; 1990: 86; 1994; 1995; 1996: 120; 1997; Чер-

няков 1985: 33-35, 43-44; 1989: 165, 166; Березанская, Шарафутдинова 1985: 492, 493, 498; Березанская и др. 1986: 89, 91, 112; Шапошникова 1992: 82; Балушкін та ін. 1993: 7-8, 145; 1997; Фоменко и др. 1993; Березанская и др. 1994: 166, 172; Южно-Украинская АЭС и археология 1995: 7, 9, 10; Фоменко, Шевченко 1996: 77; Шарафутдинова, Балушкін 1997; Елисеев, Ключинцев 1997: 45, 46; Фоменко и др. 1997: 139; Кушнір 1999: 40-43, 71).

Как известно, на сабаатиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья преобладало домостроительство с применением камня. Появляется всё больше сведений о постройках сабаатиновского времени, сооружённых в этом регионе без применения каменных кладок (Постикэ 1981; 1988; Смиленко 1983; Каврук 1985: 88, 89 рис.3, 7; Дергачёв 1986: 176; Левинский 1987: 515; Шарафутдинова 1987; 1988; 1989а: 172; Агульников, Чирков 1989: 39; Агульников, Левинский 1990: 78, 79 рис. 1, 1; Левицкий, Савва 1991: 53¹; Кушнір 1994: 75; Черниенко 1994: 125-126; Sava 1994: 146-147; Южно-Украинская АЭС и археология 1995: 7; Ключинцев 1995: 9, 11; Фоменко, Шевченко 1996: 77; Агульников 1997; Елисеев 1997: 42; Кушнір 1999: 27², 42).

Следует отметить, что сабаатиновские поселения собственно степной зоны Северо-Западного Причерноморья, на которых исследовались землянки (полуземлянки), построенные без применения каменных кладок, согласно традиционным представлениям о периодизации поселений эпохи поздней бронзы в этом регионе, относятся к позднему этапу соответствующей культуры или к рубежу позднесабаатиновского и раннебелозёрского периодов. Это относится и к поселению Грибовка II с подобными постройками (раскопки М.М. Фокеева и А.А. Росохацкого в 1991 г., Ю.А. Черниенко в 1995 г.), расположенному в устье р. Барабой восточнее низовьев Днестра, т.е. на территории, которую нельзя назвать зоной непосредственных контактов с другими культурами. Лишь поселение Мерены II и Ганск в пограничье степи и лесостепи Молдо-

¹ В отличие от В.А.Дергачёва, О.Г.Левицкого, Е.Н.Саввы, В.И.Каврук относит поселение Ганск к культуре Ноуа (Каврук 1985: 91, 94).

² Пожалуй, только находка на поселении Струмок III в верхней части объекта №1 — вероятно, входного коридора в углублённое помещение, уничтоженное при рытье дренажной канавы, бронзовой булавки, вероятно, сабаатиновского времени, могла дать Кушніру основание (на мой взгляд, отнюдь не бесспорное, т.к., во-первых, даже сохранившаяся часть объекта исследована не полностью, во-вторых, лепная керамика эпохи поздней бронзы из объекта №1 и окрестностей не многочисленная, невыразительная и не поддается более конкретной культурно-хронологической атрибуции, а в нескольких десятках метрах от последнего исследовались объекты белозёрского времени, так что не исключено, что булавка могла быть перемещена из более раннего культурного слоя в более поздний объект №1) для заключения о наличии на этом поселении полуземлянок сабаатиновской эпохи.

вы датируются более ранним временем (Черниенко 1993; 44, прим. 9; Каврук 1985: 91). Как будто бы напрашивается предположение о том, что в последнем из названных регионов на домостроительство влияло расположение в зоне непосредственных контактов с культурой Ноуа, на поселениях которой известны постройки подобного типа (см., напр.: Каврук 1985: 91; Дергачёв 1982: 65-69, 71; Ванчугов и др. 1985: 26), а в собственно степи такие помещения — как бы предвестники общеизвестных изменений в домостроительстве, произошедших, по крайней мере, в степном Днестро-Пруто-Дунайском междуречье, в белозёрское время по сравнению с сабаатиновским (Черниенко 1993: 40-42). Но при наличии в степях Северо-Западного Причерноморья огромных территорий, где не раскапывалось ни одно поселение эпохи поздней бронзы, не говоря уже о сравнительно небольшом количестве раскапывавшихся поселений в регионе в целом, нельзя исключать возможности существования в степной зоне Северо-Западного Причерноморья более ранних сабаатиновских землянок (полуземлянок), построенных без применения камня. Во всяком случае, данные разведок побуждают поставить точку зрения о долговременности всех (более 2 тысяч!) поселений сабаатиновской культуры (см., напр.: Черняков 1994: 26) под сомнение (ср.: Кушнір 1999: 38, 69, 95-97). Однако и выделение конкретных кратковременных сезонных стоянок соответствующего времени, отмеченных, в частности, в Тилигуло-Березанском районе, тем более вычисление их удельного веса среди массы сабаатиновских поселений и выделение на левобережье Бугского лимана целых групп стоянок (Ключинцев 1993: 36, 37; 1993а: 5; 1995: 7; 1997а: 50), при нынешней степени изученности памятников и сохранности культурных слоёв, на мой взгляд, преждевременно, также как и, впрочем, категорически отрицать возможность наличия подобных типов поселений, как это делает В.Г. Кушнір (1992; 1995: 8; 1999: 95-97), приводящий, между тем, примеры пунктов, которые «исчезли, не став, по сути, поселениями» (Кушнір 1989а; см. также: Кушнір 1995: 14-15; 1999: 69). К сожалению, остаётся только догадываться о характере построек на небольших поселениях со слабовыраженными культурными слоями (см.: Елисеев 1995: 26). Вероятно, именно подобные памятники И.Т. Черняков предположительно считает хуторами (1985: 27, 155). Но насколько долговременными они могли быть?

Для сабаатиновских поселений степной зоны Северо-Западного Причерноморья исследователи считают характерным каменно-глинобитное домостроительство (см., напр. Черняков 1985: 45), хотя сколько-нибудь явно остатки (завалы) глиняных частей стен фиксируются (см., напр.: Балушкін та ін. 1993: 7) нечасто. Отдельные помещения и стены, возможно, были вы-

ложены из камня на всю высоту (Клюшинцев 1981: 46; 1993: 65; Ванчугов и др. 1991: 21,25; Кушнір 1999: 75).

Предложенная И.Т. Черняковым (1985: 45) типология кладок каменных стен и фундаментов на сабастиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья, основанная на изучении памятников, раскопанных относительно небольшими площадями, не охватывает всего многообразия кладок, известных в настоящее время на данных поселениях. Впрочем, в недавно вышедшем фундаментальном издании классификация ещё менее подробная (Давня історія України, т.1, 1997: 433), что, вероятно, объясняется вынужденным лимитом объёма книги.

Хотя унифицированной системы и терминологии для характеристики кладок эпохи поздней бронзы нет, авторы часто не оговаривают значений применяемых ими терминов (см., напр.: Клюшинцев 1981: 46; Елисеев 1981; Елисеев, Клюшинцев 1997а: 91; Кушнір 1999: 50, 51, 57), что существенно затрудняет восприятие. В.Ф. Елисеев выделяет для позднебронзового века Северного Причерноморья орфостатную, иррегулярную и смешанную системы кладки (1981). Если не оговариваемые исследователем значения первых двух понятий заимствованы из работ С.Д. Крыжицкого (1965: 42-43; 1981: 38-40), то получается смешение принципов классификаций по разным признакам. По С.Д. Крыжицкому (1981: 39), орфостатная система может быть иррегулярной. Термином «смешанная система» последний из упомянутых исследователей обозначает кладки (Крыжицкий 1965: 43), не применявшиеся в эпоху поздней бронзы в Северном Причерноморье (см. ниже).

В.Г. Кушнір выделяет кладки «встык», «в перевязку», орфостатную, многорядную постелистую, двухрядную, однорядную (1999: 46, 47, 53, 54, 75, 82, 79 рис.23-28), иррегулярную (1999: 46, 50, 51, 57, 75). По терминологии этого исследователя, юго-восточная стена помещения №4 поселения Вороновка II иррегулярная, двухлицевая (Кушнір 1999: 52-53)³, а на поселении Леонидовка стена состояла из двух рядов, а середина между ними забутовывалась мелким камнем (Кушнір 1999: 75; ср.: Черняков 1985: 45; Крыжицкий 1981: 35, 38; 1982: 124; Колотухин 1990: 137; Черниенко 1993: 42, 43; 1994: 126, 127; 1997). Нужно (хотя, оперируя элементарной логикой, наверное, несложно) догадываться, что в работе В.Г.Кушніра (1999: 79) на рис. 23-25 изображены фасировки кладок, а на рис. 26-28 — планы. Строго говоря, для иллюстрации как орфостатной, так и постелистой кладок одной проекции недостаточно, ведь в зависимости от размеров неизображённых граней каменной любая из нарисованных в рассматриваемой монографии кладок может быть как орфостат-

ной, так и постелистой (если только не оговариваемое исследователем значение последнего термина заимствовано из работ С.Д. Крыжицкого (1965: 43; 1981: 38-40)). И орфостатная, и постелистая, и (по терминологии В.Г. Кушніра) «однорядная», «двухрядная» и «многорядная» кладки могут быть выложены как «встык», так и «в перевязку», а чаще с сочетанием этих принципов. Значение термина «иррегулярная кладка» В.Г. Кушнір не оговаривает и не иллюстрирует. Последнее обстоятельство, возможно, не случайно: если это значение заимствовано из работ С.Д. Крыжицкого (1965: 42; 1981: 39-40), то любая из изображённых В.Г. Кушніром кладок может быть иррегулярной (даже, по мнению В.Г. Кушніра же, в том случае, если камни выложены преимущественно «в перевязку»: 1999: 46). Выделенные последним исследователем типы кладок не охватывают всех вариантов систем кладок стен сабастиновских поселений Северо-Западного Причерноморья. Главный недостаток классификации и характеристик кладок В.Г. Кушніра — отсутствие чётко выделенных признаков, по каждому из которых следовало бы классифицировать остатки стен, а также смешение принципов классификаций по разным признакам (например, выделение кладок «в перевязку», «встык», «иррегулярных») (1999: 75)).

Мне представляется возможным и целесообразным взять за основу принципы классификации, разработанные С.Д. Крыжицким для античных кладок (1981), но с учётом более низкого уровня домостроительства сабастиновцев по сравнению с античным временем и, следовательно, значительного отличия строительной техники соответствующих эпох. Хотя в сабастиновский период для строительства использовался рваный или грубо обработанный камень, всё же по форме многие камни приближаются к четырёхугольной призме, и чаще всего удаётся выделить постель, ложок и тычок.

С.Д. Крыжицкий (1982: 123,124), а вслед за ним и другие исследователи применяют терминологию для описания античных кладок не только в обобщающих работах по домостроительству эпохи поздней бронзы, но и при публикациях отдельных сабастиновских памятников, однако часто, вероятно, в изменённом, не оговариваемом авторами значении. Если следовать значениям, в которых употребляются соответствующие термины С.Д. Крыжицким, то на поселении Вороновка II двух- и трёхрядных постелистых кладок (Загинайло и др. 1989а: 108) нет, а стены помещения 21 однорядными постелистыми (Ванчугов и др. 1991: 38) не могут быть названы (см. таблицу).

В.Н. Клюшинцев, характеризуя в диссертации кладки на сабастиновских поселениях степного Побужья, ссылался на статью: Крыжицкий 1981 (Клюшинцев 1993: 64-66). Но если слово «регулярная» считать антонимом термина «иррегулярная», т.е. синонимом понятия «рядовая»,

³ Ранее указывалась и обосновывалась причина этого — перестройка помещения (Ванчугов 1990: 31; Ванчугов и др. 1991: 15).

по С.Д. Крыжицкому, то преобладание «регулярной» системы кладок на большинстве сабаатиновских поселениях степного Побужья (Клюшинцев 1993: 64) очень сомнительно, даже при всей отрывочности имеющейся у меня информации по этому региону. Почему-то С.Д. Крыжицкому приписано мнение о том, что «смешанная система кладки использовалась довольно широко в эпоху поздней бронзы» (Клюшинцев 1993: 64-65). С.Д. Крыжицкий выделяет в античных рядовых кладках группу смешанных по материалу (1981: 40), а именно кладок из рядов природного камня и обожжённого кирпича или черепицы, которые чередуются по высоте (1965: 43; 1982: 24, рис.5, 15). Но обожжённый кирпич и черепица не были знакомы населению Северного Причерноморья позднебронзового века. Однорядная система кладок (в понимании С.Д. Крыжицкого) характерной «для подавляющей массы поселений эпохи бронзы» (Клюшинцев 1993: 65.66) считается, конечно, не может (см. ниже). Если слово «нерегулярная» считать синонимом понятия «иррегулярная», то соответствующая группа кладок характерной для однорядных кладок (Клюшинцев 1993: 65) в принципе быть не может, т.к., по С.Д. Крыжицкому, иррегулярные кладки — одна из групп нерядовых, а однорядные — одна из групп рядовых кладок (1982: 39-40). Полигональную группу В.Н. Клюшинцев считал в меньшей степени характерной для однорядных кладок (1993: 66). Мне же вообще неизвестны для Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы однорядные полигональные кладки, как и выделенные указанным исследователем на сабаатиновских поселениях степного Побужья (Клюшинцев 1981: 46) двухрядные кладки (если только не оговаривающееся упомянутым археологом значение последнего выражения также заимствовано из работ С.Д. Крыжицкого — 1965: 43; 1981: 38, 40).

Для обозначения толщины стен нам кажется более предпочтительным применять, вслед за С.Д.Крыжицким (1981: 38), слово «слой», а не «ряд» и однокоренные выражения, чтобы не возникало ассоциаций с понятием рядности (значение последнего см.: Крыжицкий 1981: 38). Удачно использование В.П. Ванчуговым и другими исследователями термина «ярус» при констатации сохранившейся высоты стен на поселении Вороновка II (Ванчугов и др. 1991: 12 и сл.; Кушнір 1999: 46 и сл.).

В кладках рассматриваемых эпохи и региона не всегда удаётся чётко определить количество слоёв. В основном в однослойной системе сложены округлая часть помещения 10, северо-восточная кладка помещения 18 и внешняя юго-западная стена (№4) помещения 20 раскопа «А» в основном позднесабатиновского (см., напр.: Ванчугов и др. 1991: 52-53) поселения Вороновка II, фундамент «б» раскопа «Д» среднесабатиновского поселения у х. Черевичное (Чмихов, Черняков 1988: 114), южная стена юж-

ного помещения трёхкамерной постройки среднесабатиновского поселения в урочище Вершина (Чмихов, Черняков 1988: 114), западная стена входного коридора в постройку №2 раскопа III и южная стена той же постройки (см. Балушкин та ін. 1997), стены входного коридора в помещении №1 и продолжение одной из последних, разделяющей помещения №№1 и 13, часть стены последнего, противоположной этому продолжению, стена, разделяющая помещения №№11 и 6, кладка, разделяющая помещения №№10 и 19, вероятно, стены помещения №14 и ещё некоторые кладки раскопа V, на котором исследованы некоторые комплексы позднейшего на памятнике строительного горизонта (Балушкин та ін. 1993: 8, 145, рис.1), поселения Виноградный Сад, кладки строительного комплекса 1, кроме северной стены, большей части западной кладки и северной части восточной стены помещения 1 (см.: Клюшинцев 1993: 237, рис.18) верхнего стратиграфического горизонта (Южно-Украинская АЭС и археология, 1995: 10, рис.(1)) поселения Щуцкое I, вероятно, некоторые кладки поселения Октябри I⁴ (см. Клюшинцев 1993: 264 рис.43, 15), а также, судя по разрезам (Ванчугов и др. 1991: 13, рис. 5), нижние части северо-восточной стены помещения 1 (рис. 1 (3)), северо-восточной и юго-западной стен помещения 3, южной и северо-восточной стен помещения 6, юго-западной стены помещения 7 поселения Вороновка II. В один-два слоя сложены внутренняя юго-западная стена (№5) помещения 20 поселения Вороновка II, южная стена жилища раскопа IV позднесабатиновского (Чмихов, Черняков 1989: 114) поселения Болград. Двухслойными являются стены помещения 22, восточная стена помещения 13 поселения Вороновка II, часть стены, разделяющей помещения №№ 21 и 22 раскопа V поселения Виноградный Сад (см. Балушкин та ін. 1993: 145, рис.1), а также, по всей вероятности, северная и восточная кладки подпрямоугольного сооружения, вскрытые на квадрате 21, и дугообразная кладка, исследованная на квадрате 22 и переходящая частично в квадраты 23 и 25, раннесабатиновского (Чмихов, Черняков 1988: 114) поселения Викторівка III (см.: Болтенко 1949 : 17). В основном двухслойными являются юго-восточная стена помещения 5 поселения Воро-

⁴ Упоминание о датировке этого поселения противоречиво (Клюшинцев 1981: 46; 1993: 70,157-158; 1997а: 51,52; Черняков 1985: 43; Березанская, Шарфутдинова 1985: 492; Березанская и др. 1986: 84,92; Елисеев 1990: 86; 1996: 120; 1997: 42; Ванчугов и др. 1991: 4,49,62; Шапошникова 1992: 82; Шарфутдинова, Балушкин 1997: 35; Елисеев, Клюшинцев 1997: 46; Сикорский, Елисеев, Клюшинцев 1997: 69). Эти колебания между отнесением памятника к сабаатиновскому (позднесабатиновскому) и к белозерскому (раннебелозерскому) периоду побуждают меня предположить, что поселение относится к рубежу позднесабатиновского и раннебелозерского времени (см. также: Клюшинцев 1997а: 52).

новка II и западно-юго-западная часть кладки «Г» раскопа «Д» поселения у х. Черевичное, северная стена, большая часть западной кладки и северная часть восточной стены помещения 1 строительного комплекса 1 поселения Щуцкое I, стена, разделяющая помещения №№1 и 2, кладка, разделяющая последние и помещение №3, одна из стен помещения №16, стена, разделяющая помещения №№ 20 и 22, некоторые другие кладки раскопа V поселения Виноградный Сад. Трёхслойными однородными (т.е. такими, в которых все слои на том или ином высотном уровне состоят из близких по размеру камней) являются северо-восточная (кроме участка, где стена образует завал) и северо-западная стены помещения 3, участки в районах южных углов южных стен помещений 4 и 13, участок возле борта раскопа северо-западной кладки помещения 19 поселения Вороновка II, часть стены разделяющая помещения №№ 21 и 22, раскопа V поселения Виноградный Сад, а также, по-видимому, южная кладка вышеупомянутого подпрямоугольного сооружения Викторовка III. Менее чётко три однородных слоя прослеживаются в юго-восточной стене помещения 3, во внешней юго-восточной стене (№2) помещения 20 того же памятника. В дватри однородных слоя сложены северо-восточная стена помещения 9, единая с юго-западной стеной помещения 15, северная стена помещения 13, юго-восточная стена помещения 16, внутренняя юго-восточная стена (№3) помещения 20 поселения Вороновка II, южная и восточная стены помещения 1 раскопа III поселения Анатольевка, западная стена жилища раскопа IV поселения Болград. Трёхслойными двухпанцирными (см. также: Колотухин 1990: 137; Черниенко 1993: 42,43; 1994: 126,127; 1997; возражение [возможно, относящееся в основном к античной архитектуре] против последнего термина см. Крыжицкий 1981: 36) с забутовкой пространства между панцирями мелким камнем являются юго-восточная, северо-восточная и северо-западная стены помещения 4 и юго-западная стена помещения 3 поселения Вороновка II⁵, северо-западная стена тамбура помещения 1 и юго-западная стена того же помещения, юго-восточная часть апсиды помещения 3 и северная стена помещения 4 раскопа I поселения Анатольевка (ср.: Погребова, Кондрацкий 1960: 79; Крыжицкий 1982: 124), в которых, кроме юго-восточ-

ной стены помещения 4 поселения Вороновка II, этот принцип не везде выдержан и местами по краям лежали также некрупные камни, а также стены строительного комплекса поселения Яблоня II, где панцири представляли собой ряды вертикальных плит (Черняков 1985: 35) !а с забутовкой такого пространства землёй — северо-западная стена постройки №2 раскопа III (см.: Балушкин та ін. 1997: 8), а также, возможно стены, разделявшие пары помещений: №№4 и 11, 4 и 18, 9 и 15, некоторые другие стены раскопа V (см.: Балушкин та ін. 1993: 145, рис. 1) поселения Виноградный Сад, стена на среднесабатиновском (Чмихов, Черняков 1988: 114) поселении Леонидовка (см.: Погребова, Кондрацкий 1960: 77, 78). Трёхслойными двухпанцирными были также некоторые стены средне-сабатиновского поселения Степовое (см.: Шарафутдинова 1979: 422; Березанская, Шарафутдинова 1985: 492; Березанская и др. 1986: 88,89). Упомянуто о применении «трёхслойной орфостатной системы» на поселении Октябре I (Клюшинцев 1993: 64). Все остальные кладки поселений Вороновка II, в т.ч. юго-восточная стена помещения 12 (иное мнение см.: Ванчугов и др. 1991: 22), Болград, Анатольевка, а также довольно значительное количество стен на раскопе V поселения Виноградный Сад (см.: Балушкин та ін. 1993: 145, рис. 1) многослойные однородные.

Если следовать терминологии Крыжицкого, углублённые части стен помещений были однолицевыми, наземные — двухлицевыми (в т.ч. если два фасада фактически одной и той же стены относились к двум различным помещениям). Юго-восточная стена помещения 5 поселения Вороновка II, вплотную пристроенная к северо-западной стене построенного ранее помещения 4 (Ванчугов и др. 1991: 12,16, рис. 4; Загинайло 1983 отчёт: 27), была однолицевая, а упомянутая стена помещения 4 также стала однолицевой после пристройки к ней первой.

Приближаются к рядовой системе кладок (точнее — кладки однорядные постелистые ложковые уступчатые, хотя в некоторых местах рядность нарушена) большая часть юго-восточной стены помещения 9 и внутренняя юго-восточная стена (№3) помещения 20 поселения Вороновка II, сопоставимые с теми античными рядовыми кладками, которые, по мнению С.Д. Крыжицкого, приближаются к иррегулярным (см.: Крыжицкий 1986: 414-415, рис. 162, 12, 14, 15). В юго-восточной и северо-западной стенах помещения 4 сохранился только нижний ярус, но выложен он настолько аккуратно и тщательно, что это наводит на предположение о том, что хотя бы несколько нижних ярусов выложены столь же совершенно, и тогда эти кладки тоже являются рядовыми (в северо-западной стене — только на участке от выступа до коридора), постелистыми ложковыми, некоторые камни ориентированы тычками на фасад стены. Насколько мне известно, все остальные кладки сабатиновских поселений Северо-Западного

⁵ Употребление термина «двухлицевая» (Ванчугов и др. 1991: 12,22; Кушнір 1999: 50) в данном случае едва ли удачно, т.к., как и в подписях к рис. 1 (11,12) статьи: Крыжицкий 1981: 35, первый не даёт полного представления о характере поперечного вертикального сечения кладок. Во всяком случае, как это вытекает из нижеследующего, трёхслойными двухлицевыми являются как юго-восточная стена помещения 4, так и участок южной стены (от южного угла до пересечения со стеной коридора) помещения 13 поселения Вороновка II, но по указанному параметру они отличаются.

Причерноморья в силу форму камней иррегулярные: бутовые, постелистые (ложковые, тычковые или ложково-тычковые при примерно равном количестве камней, ориентированных ложком и тычком на фасад стены), орфостатные. В последних камни, как правило, ориентированы постелями на фасады стен, а в зависимости от того, на какой именно части лежат камни, автор этих строк выделяет варианты орфостатной системы: ложковая, тычковая, ложково-тычковая при отсутствии существенного преобладания камней, лежащих на ложке или тычке, и под углом. К иррегулярным бутовым отнесены кладки, состоящие не только из мелких камней (бута), но и из более крупных, лежащих беспорядочно. Система иррегулярная орфостатная под углом не применялась в качестве самостоятельной, а имела вспомогательное значение.

В публикациях сабаатиновских памятников Северо-Западного Причерноморья в лучшем случае обращается внимание на то, на какой

границы лежат кладочные камни, и не учитывается, какой частью последние ориентированы на фасады стен. Характер фасадов стен сабаатиновских поселений рассматриваемого региона, в которых мне удалось более или менее уверенно его определить, показан в таблице.

Несмотря на то, что, как правило, «строители не придерживались одного стиля при возведении стен даже в пределах одного помещения» (Кушнир 1989: 109), да и в пределах одной стены тоже, тот или иной фасад (или его участок) отнесен к той системе, которая в последнем преобладает. Особенно «пёстрой» по сочетанию типов кладки является юго-западная стена помещения 7 поселения Вороновка II: здесь встречены элементы иррегулярных бутовой, постелистой ложковой и орфостатной (ложковой, тычковой и под углом) систем. В юго-восточной стене помещения 9 этого поселения встречены такие различные системы кладки, как однорядная постелистая ложковая уступчатая и иррегулярная бутовая.

Таблица.
Распределение иррегулярных кладок помещений по типам фасадов⁶.

Бутовые		Вороновка II: 2ЮВ, 5ЮЗ, 8, 10С(3), 12ЮЗ, 12СЗ, 17СВ, 17СЗ, 21?, Ю стена коридора, разделяющего пом. 1 и 12; Анатольевка, раскоп I: 1СВ, 1-тамбур СЗ (внешний фасад), 2, 3-апсида, 3СЗ, 3СВ;
Орфостатные	ложковые	Вороновка II: 1СЗ(низ), 1СЗ(СВ-верх), 1ЮЗ, 5СЗ, 6СВ, 5СВ(СЗ), 9СЗ, 20С, 7-коридор; коридор соединяющий пом.9 и 15; С стена коридора, разделяющего пом.1 и 12; В часть Ю стены коридора, соединяющего пом.1 и 6; Черевичное, раскоп «Д»: фундамент «е» (в основном).
	тычковая	Вороновка II: 7СЗ(ЮЗ).
	ложково-тычковая	Вороновка II: 7ЮВ(большая часть); Черевичное, раскоп «Д»: фундамент «а» (в основном).
	под углом	Вороновка II: 1ЮВ(СВ), 1СЗ(СВ-верх), 2ЮЗ, 3СВ, 5ЮВ, 6СВ(ЮВ), 6Ю, 6СЗ, 7СЗ(СВ), 7СВ, 7ЮЗ, 9СВ, 10Ю, 15, 20С, СВ стена коридора, соединяющего пом. 2 и 17.
Постелистые	ложковые	Анатольевка, раскоп I: 3ЮВ (продольная); раскоп III: 1В (внутренний фасад), 1С, 1Ю; Вороновка II: 1СВ, 1ЮВ, 3СВ(ЮВ), 3З, 5СВ(3), 6Ю, 7СВ, 10Ю10В, 11, 12ЮВ, 15ЮВ(СВ), 15ЮЗ, 15СЗ, 15СВ, 16ЮЗ, 16СЗ, 16 — трапециевидная камера, 20ЮВ №2 , 20ЮЗ №5 , коридор, соединяющий пом. 1 и 6, 6-входной коридор, 13- коридор ЮЗ(СЗ), 20-входной коридор, С стена коридора, соединяющего пом. 15 и 16; Болград, раскоп IV: Ю и 3 стены жилища.
	тычковая	Вороновка II: стена коридора, соединяющего пом. 15 и 16
	ложково-тычковые	Вороновка II: 23ЮЗ; Черевичное, раскоп «Д»: кладки «Г» и «Ж».

форма грубо обработанных или необработанных блоков и плит самых различных разме-

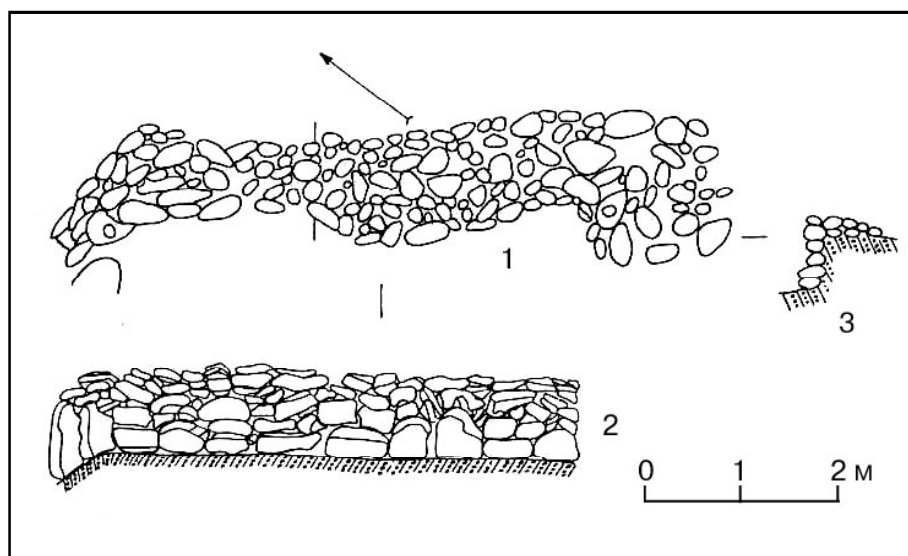
⁶ Число обозначает номер помещения, затем сокращённо обозначена сторона света в соответствии с местоположением стены в помещении, далее в круглых скобках — участок стены, в квадратных — дополнительный номер кладки

⁷ Элементы этой системы, в той или иной степени прослеживающиеся в стенах помещений.

ров (см., напр.: Ванчугов и др. 1991: 12-32), тем более бута, из которых строились сабаатиновские дома, естественно, полигональная, нередко приближающаяся к прямоугольной.

Элементы продольной перевязки встречены в северо-восточной стене помещения 7, во внутренней юго-восточной стене (№3) и во внутренней юго-западной кладке (№5) помещения 20

Рис. 1 — План (1), фасировка (2) и разрез (3) северо-восточной стены помещения 1 раскопа «А» поселения Вороновка II.

поселения Вороновка II и в стенах помещения 1 раскопа III Анатолевского поселения. Как бы в перевязку между слоями поставлены некоторые камни западной стены помещения 22 поселения Вороновка II и один камень в середине юго-западной стены тамбура помещения 1 раскопа I поселения Анатолевка.

Кладка стен каменных помещений производилась на глиняном (см., напр.: Черняков 1985: 33), глиняно-земляном (см., напр.: Черняков 1985: 36) и земляном (см., напр.: Черняков 1966: 101) растворах; широко распространены были и сухие кладки (см., напр.: Кушнир 1989: 109), которые, должно быть, особенно характерны для многослойных стен.

Ширина стен различна. Особенно мощные стены зафиксированы на раскопе «А» поселения Вороновка II (см.: Ванчугов и др. 1991: рис.4).

Пользуясь данными принципами, удобно описывать стены помещений более или менее удовлетворительной (особенно в высоту) сохранности. В качестве примера опишем северо-восточную стену помещения 1 поселения Вороновка II (рис.1). Ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В плане стена почти прямая, но в центре имеет прогиб вовнутрь помещения — результат вспучивания кладки. В фундаментной части она однослойная однолицевая, выше — многослойная (4-6 слоёв) однородная двухлицевая. Кладка иррегулярная, в основном постелистая ложковая, с элементами орфостатной ложковой. Длина стены по внутреннему периметру помещения 4,85 м, по внешнему — 7,5 м. Ширина у северного угла 0,85 м, в центре — 0,76 м, у восточного угла — 0,7 м. Сохранившаяся высота (до 6 ярусов камней) — 0,67 м в северном углу, 0,78 м в средней части и 0,68 м в восточном углу. Камни (местный известняк) со следами лёгкой обработки или необработанные — полигональные, иногда приближающиеся к прямоугольным крупные и средние блоки и плиты. Преобладают блоки средних

размеров (0,3 x 0,17 x 0,15 м), хотя встречаются более мелкие камни, плитки, бут. Наиболее крупные камни положены в основании кладки. Связующий раствор не обнаружен.

Некоторые мои работы были посвящены классификации помещений сабатиновских поселений Северо-Западного Причерноморья, как формальной, так и функциональной (Черниенко 1989; 1990а; 1991). Теперь, однако, стало ясно, что вопрос о степени углублённости исследованных помещений (к приводившейся библиографии [Черниенко 1991: 60] добавим: Загинайло и др. 1989; 1989а: 108; Кушнир 1989: 109; 1989а; 1994; Черниенко 1989а; 1990; 1991а; 1993: 40-41; 1994: 126; 1997: 71; Горбов 1989: 122; 1997: 145-146; 1997а; Черняков 1989: 165; 1997: 31; Агульников, Чирков 1989: 39; Агульников, Левинский 1990: 78, 80-81; Елисеев 1990: 86; 1995: 26; Ванчугов 1990: 21,30,31, 126.; Ванчугов и др. 1991: 8 и сл.; Левицкий, Савва 1991: 53; Ключинцев 1993: 48-50, 63, 65-66, 99, 158; 1993а: 6-8; 1995: 10, 11; 1997: 96; 1997а: 51, 52; Фоменко и др. 1993: 138; Sava 1994: 146-147; Кушнир 1995: 10-13; 1999; Гребенников, Шевчук 1995: 20; Березанская 1997: 4; Агульников 1997; Елисеев, Ключинцев 1997: 43-45, 49; 1997а: 92-93; Фоменко и др. 1997: 139) требует очень серьёзной проработки. Даже если указывается углублённость помещения от уровня древней дневной поверхности (см., напр.: Ключинцев 1993: 48), не объясняется, каким образом он определён. А ведь опыт показывает, что определить древнюю дневную поверхность для какого-либо периода функционирования поселения чрезвычайно сложно. Легче, но тоже не всегда просто определить и уровень пола помещения. Значит, и степень углублённости камеры определить затруднительно. Особенно большие сомнения вызывает выделение наземных помещений. Так, полом помещений 12 и 23 поселения Вороновка II, которые авторы раскопок считают наземными (Ванчугов и др. 1991: 12,22), явля-

ется «тёмный (коричневый) суглинок» (Ванчугов и др. 1991: 12, 13 рис. 5). Но первые можно считать таковыми разве что в том случае, если перед строительством жилищно-хозяйственных комплексов на соответствующей территории, в т.ч. за пределами построек, гумусоаккумулятивный горизонт был удалён (небезосновательное предположение об искусственной нивелировке в древности площади, предназначенной для сооружения зольника, см.: Ванчугов и др. 1991: 32) или уничтожен смывом (сведения о естественных разрушениях культурного слоя, о нынешних выходах «материкового известняка» на поверхность, об обнажениях суглинка на распаханной к моменту начала раскопок территории раскопа «Б» см.: Ванчугов и др. 1991: 5, 7; Кушнир 1984, дневник: 2) либо если неверно определены уровни полов помещений. Помещение 5 того же поселения, углублённое «в предматериковый суглинок на 20-35 см», большей частью пола которого служил «материковый известняк» (Ванчугов и др. 1991: 16, 13, рис. 5), скорее полуполуподземное (Ванчугов и др. 1991: 15), чем наземное (Ванчугов и др. 1991: 9; Кушнир 1999: 57). По данным некоторых почвоведов, развитие почвенного профиля происходило преимущественно вглубь при стабильной поверхности; за вторую половину голоцена на поверхности почв накопилось незначительное количество золотого минерального вещества, а накопление гумуса в чернозёмах могло дать прирост почвы не более 2-3 см (Александровский 1997: 23). Это подтверждают наблюдения над соотношением уровней верха погребённых под курганами чернозёмов и современных поверхностей (см., напр.: Петренко 1991: 77). В таком случае, особенно на распаханной территории, строительные остатки наземных помещений не должны сохраниться, либо же могли сохраниться остатки фундаментов, уложенных в ровики, но не полы, залегавшие не глубже уровня пахотного горизонта. Конечно, подобные показатели индивидуальны и в каждом конкретном случае зависят от геоморфологических условий, в которых находился тот или иной объект, от соотношения скоростей накопления чернозёма и денудационных процессов и т.д. (см., напр.: Приходько, Иванов 1982: 5, 7, 9-10). Во всяком случае, при определении наземного характера помещения не лишним было бы указывать, какие именно условия способствовали сохранению остатков такового. Не исключено, что правы те исследователи, которые, вопреки другим, пишут о преобладании на сабатиновских поселениях степного Побужья углублённых (Клюшинцев 1995: 10) или слегка углублённых (Клюшинцев 1993: 49) сооружений, о том, что «углублённые жилища являлись характерной чертой домостроительства юга степей Северного Причерноморья» (Елисеев, Клюшинцев 1997а: 92). Если объём помещения углублён до уровня верха глины нижнего переходного к материнской по-

роде горизонта (по не совсем удачной, но устоявшейся археологической терминологии, до верха «материка»), тем более впущен в этот горизонт, то последнее, исходя из предложенных принципов (Крыжицкий 1982: 12, прим. 1, 2; Черниенко 1990а: 79; 1991: 60), можно считать полуполуподземной, т.к. нормальная современная мощность гумусовых горизонтов в Причерноморских степях 0,5-0,6 м, а уровень древней дневной поверхности второй половины голоцена, если исходить из приведённых выше данных, существенно не отличается от уровня современной. Помещения, построенные без применения камня и углублённые по отношению к современной поверхности более, чем на 1 м (у стен котлована), можно предположительно считать землянками (как, например, на поселении Мерены II (Черниенко 1991: 62)). Если пол помещения находится выше уровня верха глины нижнего переходного горизонта, оно, вероятнее всего, будет в большинстве случаев слегка углублённым. Остаётся в силе выделение типа помещений с различной степенью углублённости стен (Черниенко 1990а: 79; 1991: 61), но предложенное ранее выделение вариантов первых нуждается в проверке. Одним из отправных ориентировочных моментов для приблизительного определения степени углублённости помещений, построенных с применением каменных кладок, может быть разница в уровнях внутренних и внешних каменных завалов (см., напр.: Горбов 1997: 148, 158), хотя камни со временем погружаются в грунт, и не обязательно с одинаковой скоростью внутри и за пределами помещений.

В дополнение к перечисленным ранее формам сабатиновских помещений Северо-Западного Причерноморья в плане (Черниенко 1990а: 80; 1991: 62), из обобщений и информации исследователей по этому поводу отметим выделение на поселениях степного Побужья указанного времени квадратных (подквадратных) помещений (Клюшинцев 1993: 48, 49; 1993а: 7; 1995: 10), в частности, исследованных, наряду с овальными и другими, на поселении Щуцкое I (Фоменко и др. 1997: 139), и малочисленных построек с аморфной конфигурацией плана (Елисеев 1990: 86; Клюшинцев 1993: 49), упоминание о криволинейных в плане помещениях на поселениях Виноградный Сад (Балушкин та ін. 1997: 9) и Октябри I (Елисеев, Клюшинцев 1997: 46).

Диапазон площадей помещений на сабатиновских памятниках Северо-Западного Причерноморья (Черниенко 1990а: 80; 1991: 62) в настоящее время можно расширить. В.К. Клюшинцев упоминал о наличии на сабатиновских поселениях степного Побужья камер площадью всего 1-2 кв. м (1993а: 7; 1995: 11). Известны помещения площадью до 120 кв. м, в частности, на поселении Виноградный Сад (Клюшинцев 1995: 11, 12; Шарафутдинова, Балушкин

1997: 35; Елисеев, Ключинцев 1997: 44), и даже больше (Ключинцев 1995: 11, 12), например, жилище на поселении Степовое размерами 12 x 11 м (Елисеев, Ключинцев 1997: 45).

В последнее время исследователи стали больше уделять внимания вопросу о функциональном назначении помещений. Правда, нередко последнее называется без должной аргументации. Основные принципы функционального анализа построек позднебронзового века в Северо-Западном Причерноморье были предложены мною более 10 лет назад (Черниенко 1989). Исследователи отмечают наличие на сабашиновских поселениях, в частности, степного Побужья и Северо-Западного Причерноморья, жилых, хозяйственных (подсобных), производственных, а некоторые — также и культовых помещений (Ключинцев 1981: 46; 1993: 41, 50-53, 62-63, 65, 156; 1993а: 6-7, 11; 1995: 10-12, 14, 16-17, 22; Шарафутдинова 1997: 31; Елисеев, Ключинцев 1997: 44-46, 49; Кушнір 1999). По наблюдениям археологов, жилые помещения обычно имели большие размеры, чем хозяйственные (Ключинцев 1993: 52-53, 62; 1993а: 7; 1995: 12; 1997а: 51; Кушнір 1994: 75, 77; Елисеев 1994; Шарафутдинова, Балушкин 1997: 35; Елисеев, Ключинцев 1997: 44-46; Кушнір 1999: 73, 74, 84-86, 88); чаще жилые были углублёнными, а хозяйственные — наземными (Ванчугов и др. 1991: 9, 60; Ключинцев 1993: 63; 1993а: 7; 1995: 10; Кушнір 1989: 110; 1994: 75-77, 79; Кушнір 1995: 13; 1999: 42, 57, 65, 83-86), причём дно котлованов полуземлянок на поселении Вороновка II понижается к центру (Кушнір 1989: 109); стены хозяйственных помещений часто сложены из более мелких камней и имели меньше слоёв последних, чем кладки жилых (Ключинцев 1993: 65; Кушнір 1994: 75-77; Кушнір 1999: 57, 84, 86); для жилищ характерно наличие очагов, реже — печей, но некоторые обогревались мисками-жаровнями (см., напр.: Черняков 1985: 47; Кушнір 1999: 75, 76); «общественные и производственные комплексы» (здания для зимнего содержания скота, мастерские, производственно-складские комплексы) выделялись «нестандартной планировкой и размерами» (Елисеев 1997: 42; см. также: Елисеев, Ключинцев 1997: 46), иногда меньшими, чем у жилищ (Елисеев 1994: 129; Ключинцев 1995: 12). Учитывается размещение помещений по отношению друг к другу (Елисеев, Ключинцев 1997: 46). Основу жилищно-хозяйственных комплексов составляли жилые помещения, а хозяйственные (подсобные) как бы являлись, по выражению некоторых исследователей, «придатками» жилых — пристраивались (примыкали) к последним (Кушнір 1989: 110; 1994: 76, 77, 79; Ключинцев 1993: 50, 65; Елисеев 1994: 128; 1997: 42; Шарафутдинова, Балушкин 1997: 35; Елисеев, Ключинцев 1997: 44-46, 48, 49; Кушнір 1999: 42, 65, 71, 73, 84-86, 88), в частности, как, например, на поселении Щуцкое I, с

тыла либо к торцовой стене (Ключинцев 1993: 52; 1993а: 7; 1995: 12; 1997а: 51) или же, как, например, на том же памятнике и на поселениях Степовое и Вороновка II, с разных сторон (окружали) (Ванчугов и др. 1991: 9; Ключинцев 1993: 53; 1997а: 51; Елисеев, Ключинцев 1997: 45, 46), соединялись с жилыми помещениями непосредственно или через коридоры, особенно вспомогательные — тамбуры и сени (см., напр.: Березанская и др. 1986: 91; Кушнір⁸ 1989; Ванчугов и др. 1991: 21; Елисеев, Ключинцев 1997: 44, 46, 48, 49; Кушнір 1999: 56-57, 76, 83, 88), разделяли жилые помещения в архитектурных блоках, например, на поселении Вороновка II (Кушнір 1989: 109; 1994: 76, 77; Кушнір 1999: 74). Эти наблюдения, касающиеся жилых и хозяйственных помещений, в основном свидетельствуют о правомерности предложенных мною принципов функционального анализа построек, которая не была убедительно обоснована в кратких тезисах (см.: Черниенко 1989).

По мнению некоторых исследователей, углубление каменных помещений, наличие входных тамбуров и коридоров в камеры улучшало температурный режим комнат (Черняков 1985: 45-46; Кушнір 1989: 110; Кушнір 1999: 83, 88), а примыкавшие к бортам котлованов каменные кладки предохраняли углублённые помещения от сырости (Елисеев, Ключинцев 1997а: 92). Ясно, что данные обстоятельства имели значение прежде всего для жилищ.

В.Ф.Елисеев и В.Н.Ключинцев, на мой взгляд, справедливо определили два наибольших помещения известного трёхкамерного строительного комплекса Анатолевского поселения, имевших тамбуры, как жилые (Елисеев, Ключинцев 1997: 44). Не менее важными аргументами, по моему мнению, должны быть наличие очажной ямы в одном из этих помещений и очага — в другом, мощные стены. Данные авторы не обосновали предложенную ими последовательность строительства помещений комплекса, но, видимо, верно почувствовали не доминирующее, а подчинённое положение меньшего по размерам помещения с апсидой в планировочной структуре постройки, назвав последнее дополнительной пристройкой (Елисеев, Ключинцев 1997: 44, 46). Действительно, ведь помещение, известное по многим другим публикациям под №3, как бы встроено в пространстве между двумя другими. Поэтому хозяйственным, вероятно, следует считать не только апсидную часть помещения №3, названную указанными исследователями небольшим округлым помещением (Елисеев, Ключинцев 1997: 44), но и всю камеру (см. также: Черняков 1985: 46; Крыжицкий 1982: 124), тем более что последняя безочажная (ср.: Кушнір 1999: 43).

⁸ Данный исследователь рассматривает «входные» помещения на поселении Вороновка II как части жилищ (Кушнір 1994: 76-77, 78 рис.(1); Кушнір 1999: 86).

В.П.Ванчугов связывает с жилым характером помещения 1 поселения Вороновка II наибольшую углублённость объёма этой комнаты по сравнению с другими помещениями трёхкамерного строительного комплекса и находки фрагментов глиняных жаровен (см., напр.: Ванчугов 1990: 30).

Авторы раскопок поселения Вороновка II отметили, что «наземные постройки сосредоточивались в основном вокруг полуземлянок, являясь как бы их придатком, составляя единый жилищно-хозяйственный комплекс» (Ванчугов и др. 1991: 9), что «некоторые конструктивные особенности углублённых помещений и детали интерьера, такие, как входы-коридоры, подпятники дверей, каменные пороги и ящики (закрома?), указывают на их жилой характер» (Ванчугов и др. 1991: 60). Данные исследователи предположили хозяйственное назначение дворов и постройки, представленной развалами стен в северо-западной части раскопа «А», отнесли к жилым помещениям 7 и 20, выделили в помещении 12 внутренние хозяйственные помещения-каморки, упомянули о хозяйственных постройках, относящихся к полуземлянке 20, назвали помещение 6 входным тамбуром полуземлянки 1, а остатки наземных сооружений раскопа «Б» (условно) — жилищами (Ванчугов и др. 1991: 9,10,11,21,23).

Более обстоятельно подошёл к функциональному анализу построек поселения Вороновка II В.Г. Кушнир (1994: 75-78; 1999: 57, 65, 73-74, 83-86, 88). В целом его принципы согласуются с предложенными мною критериями для определения функционального назначения помещений эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья (см.: Черниенко 1989). В.Г. Кушнир учитывает углублённость, площадь помещений, характер кладок стен и расположения помещений относительно друг друга, распределение находок по помещениям (но почему-то только диагностических фрагментов венчиков сосудов), указывает на значение входных помещений (сеней), коридоров и углублённости жилых помещений для утепления последних. Правда, устройство хозяйственных отсеков в стенах полуземлянок, которое В.Г. Кушнир считает одним из признаков жилого характера помещений данного типа, на мой взгляд, скорее указывает на использование последних в хозяйственных целях. Но ведь в этих целях использовали и жилые помещения, которые поэтому лучше называть полифункциональными, а если и употреблять термин «жилое», то как синоним понятия «полифункциональное» (см., напр.: Черниенко 1989). Отсутствие визуальных признаков такого использования помещения, с моей точки зрения, также не может указывать на сугубо жилой характер последнего, т.к. трудно представить, что в каком-то жилище никогда ничего не хранилось или не выполнялись никакие хозяйственные операции. О хозяйственных

отсеках в помещениях 6 и 11, о подсобных каморках в помещении 12 (см.: Ванчугов и др. 1991: 16, 23, 28, рис. 4), которые (помещения) В.Г. Кушнир считает наземными и хозяйственными (см., напр.: Кушнир 1994: 76,78 рис.1), он, вероятно, забыл и пишет: «Ничего подобного не было прослежено ни в одном из наземных помещений» (Кушнир 1994: 76). Как мне кажется, последний устанавливает чересчур жёсткую связь между наземным характером помещений (что само по себе, как отмечалось выше, проблематично) и их хозяйственным назначением. В более ранней работе (Кушнир 1989: 110) углублённость была едва ли не единственным критерием определения функционального назначения помещений. Не учитывается расположение камер, выделяемых в наземные, по отношению друг к другу. Более того, В.Г. Кушнир считает до конца не выясненным вопрос о том, как сообщались между собой наземные помещения (1994: 76). Но ведь это справедливо разве что для меньшинства их, а на иллюстрации в той же статье видны группы соединявшихся между собой таковых помещений (Кушнир 1994: 78, рис.2). Не совсем ясно, от чего высчитывалось процентное отношение диагностических фрагментов венчиков сосудов, найденных в помещениях (см., напр.: Кушнир 1999: 85, табл. 1), и как получилась цифра 62,2% (по отношению к фрагментам венчиков, найденных в полуземлянках) и 84,4% (по отношению к найденным в последних и во входных помещениях, вместе взятых) (Кушнир 1999: 86). Разброс приведённых данных невыразительный, да и максимум найденных в одном помещении фрагментов составляет всего лишь 4,14% (в «наземном» входном помещении 17) в полуземляночном помещении 20 найдено 0,92% фрагментов, как и в каждом из «наземных» помещений 5, 9 и 10.

Если исходить, за одним исключением (см. ниже), из того, что соседние жилищно-хозяйственные комплексы отделены друг от друга глухими стенами, а входы в первые находятся с различных сторон архитектурного блока (Загинайло 1985: 275), так что из одного жилища в соседнее можно было попасть, обойдя порой множество помещений (см.: Кушнир 1999: 91), то на раскопе «А» поселения Вороновка II, на мой взгляд, можно выделить не 4 (см.: Ванчугов и др. 1991: 9) и не 6 таких комплексов (см.: Кушнир 1989: 110; 1994: 77), а больше (см. ниже), рассматривая некоторые как самостоятельные однокамерные постройки (с которых и начнём функциональный анализ), входящие в состав того или иного архитектурного блока либо обособленные.

На жилое (см., напр.: Кушнир 1994: 77,78, рис. 1) назначение помещения 7 этого памятника, помимо углублённости, на мой взгляд, указывает наличие ровного, понижающегося к середине пола. Признаками использования этой постройки в хозяйственных целях является на-

личие хозяйственных отсеков и каменного корыта, служившего, вероятно, для хранения. Жилому назначению помещения 11, характеризующегося довольно мощными кладками, как будто не противоречит площадь (около 18 кв. м) и место в планировочной структуре поселения. Наличие хозяйственных отсеков указывает на использование этого помещения и в хозяйственных целях. Значит, эти две постройки полифункциональные. Помещение 14 являлось хозяйственным. Его площадь — около 16 кв. м, и чуть ли не посредине камеры исследована яма. О хозяйственном назначении помещения 21 свидетельствуют примитивные (иррегулярные бугоры?) кладки и маленькая площадь — 10,5 кв. м.

К полифункциональным отнесены помещения, в которых имелась печь или/и 1-3 очага. Это помещение III площадью около 70 кв. м на раскопе «Б» поселения Вороновка II, постройка раскопа IV поселения Болград, помещение 4 раскопа I поселения Анатолевка, землянки (полуземлянки) на поселениях Каушаны, Чалык, Томай, Мерены II, углублённые помещения эпохи поздней бронзы поселения Грибовка II, возможно строительный комплекс V площадью 63 кв. м на поселении Щуцкое I (см.: Фоменко и др. 1997: 139; ср. предварительное определение функционального назначения: Фоменко и др. 1993: 139).

К жилищам мною отнесены углублённые сооружения с более или менее мощными кладками: помещение 1 раскопа III поселения Анатолевка (жилое назначение подтверждает находка жаровни), постройки X и XI поселения Щуцкое I (см.: Фоменко и др. 1997: 139); последняя имела площадь не менее 50 кв. м (см.: Южно-Украинская АЭС и археология 1995: 10, рис. 1).

О жилом характере постройки в северо-восточной части раскопа «Д» поселения у х.Черевичное говорит сохранившийся в северо-западной части помещения участок утрамбованного пола из чернозёма, смешанного с песком-ракушняком.

Возможно, жилыми являются помещения 10⁹ поселения Вороновка II, помещение 2 раскопа III поселения Анатолевка, одна из построек поселения Викторовка III. Так, о жилом характере помещения 10 поселения Вороновка II говорит находка в ней фрагмента жаровни. Этому как будто бы не противоречит площадь помещения — около 20 кв. м. Однако сохранность кладок плохая, а пол не прослежен. Чертой жилого назначения помещения №2 раскопа III поселения Анатолевка, возможно, являются следы промазки пола глиной¹⁰. В пользу жилого

⁹ Основания для предположения о производственном назначении этой постройки и другой, от которой сохранились жалкие остатки (Кушнір 1999: 90-91), безусловно, не являются достаточными.

¹⁰ На подобное обстоятельство, как на отличительную черту жилых помещений на поселении германцев Федерзен Вирде, указал А.Л.Монгайт (1974: 332).

характера (см. также: Черняков 1985: 30) постройки на поселении Викторовка III может говорить находка глиняной фигурки быка. Среди хозяйственных построек выделяется комплекс для просушки и хранения зерна на поселении Виноградный Сад (наиболее подробную информацию см.: Шарафутдинова 1988; 1989а: 172).

Функциональный анализ каждого помещения многокамерной постройки необходимо производить в тесной связи с анализом её других камер. Начнём опять же с Вороновки. Соглашаясь с жилым характером помещений, являющихся, по мнению В.Г. Кушніра, полуземлянками, а также помещения 4 (см., напр.: Кушнір 1994: 77,78, рис.1) и с выполнением функций сеней помещениями, располагавшимися перед этими полуземлянками и соединявшимися с последними коридорами (см.: Кушнір 1999: 88), дополнительно укажем на следующие обстоятельства. В хозяйственно-бытовом комплексе помещений 1, 6 и 24 (Кушнір 1999: 88, рис. 29) на жилое назначение помещения 1, помимо прочего (см. выше), указывают мощная кладка, пол, равномерно понижающийся от стен к центру. О применении этой полуземлянки в хозяйственных целях говорят яма в северном углу помещения и хозяйственный отсек в виде четырёх ящиков. Это один из ярких примеров сочетания признаков жилого и хозяйственного назначений полифункциональных помещений. Но ниже мы исходим из того, что для определения помещения как полифункционального достаточно наличие признаков жилого назначения. На то, что помещение 6 являлось входным тамбуром в помещение 1 (сенями), указывает расположение первого перед коридором, ведущим в помещение 1, небольшая площадь помещения 6 и небольшое количество находок в нём. О хозяйственном назначении помещения 24, говорят его подчинённое расположение в планировочной структуре комплекса, небольшая площадь и небольшое количество находок в камере.

О жилом назначении помещения 2, кроме углублённости, большой площади, мощной кладки стен, говорят равномерно понижающийся от стен к центру пол, находки каменных антропоморфных стел. Помещение 17 являлось входным тамбуром помещения 2 и хозяйственным, о чём говорят расположение первого перед коридором, ведущим в углублённую камеру, меньшая, чем у помещения 2, площадь и широкий вход.

О жилом характере помещения 3 свидетельствуют, помимо углублённости и мощных стен, наличие ровного, понижающегося к середине пола и находка каменной стелы. Сохранность остатков, по мнению В.Г. Кушніра, входного помещения неудовлетворительная (1994: 77).

Пристройка площадью всего 5,4 кв. м к юго-западной стене большого по площади полифункционального полуземляночного помещения 20, имевшего мощные стены, была хозяйственной.

В полевом дневнике отмечено, что две плиты в месте стыка первоначальной юго-западной стены и второй юго-восточной кладки помещения 20 поставлены на ребро и, по-видимому, непосредственно на этих плитах стена вертикального развития не имела, а плиты обеспечивали доступ в пристройку (Петренко 1984 дневник: 8об.,9). Если помещение 20 и имело входной тамбур (Кушнер 1994: 77), то, по крайней мере, половина стен этих сеней осталась неисследованной. Но ни в публикациях, ни в отчётно-полевой документации не интерпретируется россыпь мелких камней, примыкающая к юго-восточной стене входного коридора помещения 20 и окружающая пристройку к последнему (Ванчугов и др. 1991: рис. 4, кв.А-Г 12-18). Возможно, это остатки ещё одного помещения того же комплекса, или же такого, что образован только первым и упомянутой пристройкой, как будто бы соединявшимися друг с другом.

О жилом характере помещения 4, помимо площади, большей, чем у других помещений раскопа «А», говорят не только широкий, но и тщательно выложенный цоколь, ровный, понижающийся к середине пол, находка глиняной статуэтки. К северо-восточной стене этой комнаты пристроено узкое хозяйственное помещение 23 с маломощными стенами и широким входом. Хотя входы в эти две камеры находятся с противоположных сторон, помещение 23 явно тяготеет к помещению 4, поэтому я рассматриваю их как один хозяйственно-бытовой комплекс.

В комплексе помещений 16,15 и 9 последнее являлось хозяйственным, как самое меньшее по площади в комплексе, самое отдалённое от входа в постройку и с ящиком в западной стене. Центральное место в планировочной структуре комплекса занимает помещение 15 (видимо, жилое). Помещение 16 вряд ли было только входным тамбуром и хозяйственным, — оно, вероятно, использовалось и под жильё, т.к. имело большую площадь, чем помещение 15, тем более, что в этом комплексе имелось помещение 9, которое должно было вполне удовлетворять хозяйственные нужды жителей помещения 15.

В комплексе помещений 12 и 13 первое, имевшее относительно большую площадь и мощные стены, являлось полифункциональным. Помещение 13, вероятно, хозяйственное, на что указывает его небольшая площадь и окраинное положение в планировочной структуре комплекса и поселения.

Если помещения 5 и 8 входили в один комплекс, то жилым было, вероятно, первое, о чём говорят его относительно мощные стены и углублённость. Помещение 8, очевидно, хозяйственное, на что указывают его небольшая площадь, относительно непрочная кладка, не прослеженный пол.

В северо-восточном углу юго-западной камеры постройки II поселения Болград обнаружен

очаг, а недалеко от последнего — обломок глиняной миски-жаровни (единственная находка во всей трёхкамерной постройке), что указывает на жилое назначение помещения. Трудно предположить, что лишь камера площадью 7,8 кв. м была жилой. Возможно, под жильё использовалось и среднее помещение, на что, помимо площади, несколько большей, чем у других помещений, косвенно указывает расположение очага в юго-западной камере таким образом, что стена, общая для юго-западного и среднего помещений, прогревалась насквозь и обогревала часть среднего помещения. Северо-восточная камера, видимо, была хозяйственной, о чём говорит её маленькая площадь (около 4 кв. м).

Юго-восточное и северо-восточное помещения трёхкамерной постройки раскопа «Д» поселения у х.Черевичное, судя по сохранившимся участкам утрамбованного пола, были жилыми, западное, судя по планировке, возможно, прихожей.

Многие полифункциональные помещения использовались, в частности, и как производственные (см.: Шарафутдинова 1989а: 175-177; 1990: 83; Черняков 1985: 44; Ключинцев 1993а: 7; Шарафутдинова, Балушкин 1997: 36). Наконец, появляются упоминания и отрывочные сведения о специальных производственных помещениях (Шарафутдинова 1989: 256; 1989а: 175-176; 1990: 83; Ключинцев 1993: 156; 1993а: 7,11; 1995: 16-17,22; Балушкин та ін. 1993: 9; Березанская и др. 1994: 166,172; Южно-Украинская АЭС и археология 1995: 7; Шарафутдинова, Балушкин 1997: 34; Елисеев 1997: 42; Давня історія України, т.1, 1997: 477; Кушнер 1999: 181), как, например, о кузнице на поселении Виноградный Сад (Шарафутдинова 1989а: 176; 1990: 83), и даже об общепоселенческих (общинных) мастерских (Березанская 1997: 5). В.Ф. Елисеев упоминает (к сожалению, кратко) о многокамерных комплексах часто совсем малых нежилых размеров, в частности, на поселении Степовое, которые, возможно, имели особое функциональное назначение и носили производственный характер или использовались как складские помещения (1994: 129). Возможно, речь идёт о малых размерах помещений, а не многокамерных комплексах в целом.

Исследователи по-разному дают градацию жилых помещений сабатиновских поселений, в частности, Северо-Западного Причерноморья и степного Побужья, по площади, причём в работах В.Н. Ключинцева даже прослеживаются два варианта подходов к этому вопросу (Черниенко 1990а: 80; 1991: 62-63; Ключинцев 1993: 52; 1993а: 7; 1995: 12; 1997: 51; Елисеев 1996: 120). Конечно, любые подобные градации будут условными и субъективными. В.Н. Ключинцев выделял на поселениях степного Побужья 4 группы хозяйственных помещений, исходя из площадей последних (1993: 53; 1997: 51), но упомянутые памятники Северо-Западного

Причерноморья (Викторовка III, Степовое, Щуцкое I), исходя из сведений исследователя, содержат только хозяйственные помещения третьей группы площадью от 8 до 12 кв. м (Клюшинцев 1993: 53).

Последний выделял в степном Побужье и две группы помещений по дихотомическому принципу: со столбовой конструкцией и с несущей стеной (Клюшинцев 1993: 53). Появляются сведения (см., напр.: Фоменко и др. 1997: 139), ставящие под сомнение версии, согласно которым для сабатиновских поселений характерны именно самостоятельные несущие каменные конструкции (Черниенко 1991: 60; Горбов 1997: 145-146; 1997а: 6).

Кроме однокамерных и многокамерных построек сабатиновской культуры, являющихся, порой вместе с ямами, хозяйственно-бытовыми комплексами (Кушнир 1994: 74), в общих чертах охарактеризованными В.Г. Кушниром (1989; 1994: 77-79; 1999: 42,43,76-77,87-88,91-92,101), некоторые исследователи выделяют малокамерные (Елисеев, Клюшинцев 1997: 43; Клюшинцев 1997а: 51), двух- и трёхкамерные (Клюшинцев 1993: 54; 1993а: 6-7). По предложению В.Ф.Елисеевым и В.Н. Клюшинцевым типологии (1997: 49), на мой взгляд, трудно судить о сколько-нибудь существенных отличиях построек трёх (б-г) из четырёх выделенных им групп; к однокамерным сооружениям почему-то отнесены только наземные глинобитные прямоугольной в плане формы. По данным В.Н. Клюшинцева, площадь домов в Побужье в сабатиновское время составляла от 6 до 100-120 кв. м и выше (1993: 68; 1995: 13; 1997а: 51,52) при средней площади 45-80 кв. м (Клюшинцев 1993: 68; 1997а: 52) или 42-72 кв. м (Клюшинцев 1993а: 8; 1995: 13). Из опубликованных построек Северо-Западного Причерноморья рассматриваемой эпохи выделяется хорошо известный трёхкамерный комплекс площадью 230 кв. м на поселении Анатолевка.

О вариантах расположения жилых и хозяйственных помещений в комплексах дают представление приводившиеся выше наблюдения исследователей. По данным В.Н. Клюшинцева, в ряде случаев, в т.ч. на поселении Щуцкое I, стены жилого и хозяйственного помещений в местах соприкосновения друг с другом имели не смежные, а отдельные, параллельные стены, расположенные на расстоянии 0,5-1 м друг от друга, а углы, образованные стыком двух стен, были углощённые (Клюшинцев 1993: 65). По сведениям И.Н. Шарафутдиновой, на поселении Степовое камеры постепенно достраивались по принципу смежности (помещения 4-8 на раскопе II) (Березанская и др. 1986: 89,91).

На сабатиновских поселениях, в т.ч. Северо-Западного Причерноморья, были распространены последовательно-иерархический и равнозначно-параллельный принципы планировки многокамерных жилищно-хозяйственных комп-

лексов (Елисеев, Клюшинцев 1997: 43,47,48; Крыжицкий 1982: 123-126; Черниенко 1994: 126-127; 1997: 72; Горбов 1997а: 6). С.Д. Крыжицкий пишет об использовании последовательно-иерархического принципа планировки при сооружении Анатолевского трёхкамерного комплекса (1982: 123), вероятно, имея в виду предположение об отсутствии собственного выхода из последней камеры наружу (1982: 122, рис.40 1). Если проход между этими помещениями ещё можно предполагать на основании наличия небольшого пространства без камней в юго-западной кладке помещения №2 у северо-западной стены той же комнаты, то основания для предположения об отсутствии входа с наружи в помещение №3 (а значит, вероятно, о разборе части стены), вопреки мнениям остальных исследователей о наличии такого входа в районе тамбура помещения №2, не вполне ясны (и не приводятся С.Д. Крыжицким). Яма №1 как будто бы должна была существенно мешать входу снаружи в помещение №3 (см. также: Лесков 1975: 7). Но ведь вряд ли уже будет возможно установить хронологическое соотношение ямы с помещением №3. Если они функционировали одновременно, то яма могла накрыться деревянным настилом или быть окружена изгородью. В таком случае можно также предположить, что помещение №3 нужно было посещать нечасто в силу его хозяйственного назначения, тем более жителям помещения №2, если последнее соединялось проходом с помещением №3. Поскольку входы снаружи в оба помещения находились рядом, а таковой в помещении №1 — с той же стороны постройки, полагаем, что в данном случае представлен равнозначно-параллельный принцип планировки.

Можно выделить и ещё один принцип: хозяйственное помещение пристраивалось с тыла или к торцевой стене жилого (см. выше), а входы в них располагались с разных, в т.ч. противоположных, сторон. Примером может служить комплекс помещений 4 и 23 раскопа «А» поселения Вороновка II.

На последнем последовательно-иерархический принцип планировки зафиксирован в комплексе помещений: а) 2 и 17; б) 9, 15 и 16; в) 3 с разрушенным входным тамбуром; г) возможно, 20 с входным тамбуром (?) и пристройкой, равнозначно-параллельный — в комплексе помещений 12 и 13. Прослежено и сочетание применения двух основных принципов планировки: помещения 1 и 6 расположены по отношению друг к другу по последовательно-иерархическому, а помещение 24 по отношению к ним — по равнозначно-параллельному принципу.

Вероятно, в соответствии с последовательно-иерархическим принципом планировки расположены помещения строительного комплекса 1 поселения Щуцкое I (см.: Клюшинцев 1993: 237, рис.18). Сохранность трёхкамерной пост-

ройки в Черевичном позволяет предположить последовательно-иерархический принцип взаиморасположения западного и юго-восточного помещений.

В.Н. Ключинцев писал о наличии определённых канонов планировки комплексов, форм и размеров сооружений и домостроительной техники на сабашиновских поселениях степного Побужья (1993: 50; 1993а: 8; 1995: 13, 14, 23).

Как отмечал указанный исследователь, раскопанные в Побужье остатки строительных комплексов состоят из 2-3, 5-6, 12 и большего числа помещений разных размеров и функционального назначения (1997а: 51). Однако если построены вплитык одно к другому (сблокированы) несколько жилых помещений с хозяйственными пристройками, то, как мне кажется, лучше употреблять термин «блок» (Кушнір 1999: 73), или «квартал» (Ключинцев 1993: 50)¹¹, а не «комплекс» (Загинайло и др. 1989; 1989а: 108; Елисеев 1994; 1995; Кушнір 1995: 10), имея в виду, что архитектурный блок состоит из нескольких строительных комплексов (см., напр.: Балушкин та ін. 1993: 8). Впрочем, иногда бывает сложно провести грань между большим строительным комплексом и небольшим архитектурным блоком. Примером тому — неоднородная в этом плане трактовка исследователями неоднократно упоминавшегося выше сооружения на поселении Анатолевка (ср.: Черняков 1985: 38-39; Крыжицкий 1982: 123, 124; Кушнір 1999: 43).

Архитектурные блоки исследовались лишь на некоторых сабашиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья. Наиболее выразительные «кварталы» открыты в верхнем строительном горизонте северной части поселения Виноградный Сад. Для них характерны строгий линейно-уличный план размещения построек, единая ориентация стен по основным сторонам света (Балушкин та ін. 1993: 8, 145 рис.1). В архитектурных блоках верхнего горизонта южной части этого поселения выявлена довольно бессистемная застройка разноплановыми жилищно-хозяйственными комплексами с многочисленными достройками и перестройками (Балушкин та ін. 1993: 7, 8). Исследователи поселения Вороновка II прослеживают в какой-то мере определённую рядность в чередовании помещений с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток в архитектурном блоке (Ванчугов и др. 1991: 8), по мнению Кушніра, близком к овалу и имевшему размеры 130 x 60 м (Кушнір 1999: 73). Последний исследователь выделяет северо-восточный, средний и юго-западный ряды помещений в основном больших размеров, окружённых хозяйственными камерами небольших площадей, а также три компакт-

ных группы помещений с северо-запада на юго-восток; комнаты в каждом из рядов не сообщались, а, наоборот, были разделены хозяйственными помещениями (Кушнір 1999: 73-74). Исследователи считают, что упомянутые северные «кварталы» поселения Виноградный Сад и блок поселения Вороновка II строились планомерно (Балушкин та ін. 1993: 8; Ванчугов и др. 1991: 8-9; Кушнір 1999: 74). На раскопе «А» поселения Вороновка II частично исследованы, на мой взгляд, два архитектурных блока, разделённых дворами «А» и «Б» (Ванчугов и др. 1991: рис.4). По сведениям В.Ф. Елисеева, на поселении Октябри I преобладают многокамерные комплексы с небольшими помещениями часто неправильной в плане формы, расположенные вплитую друг к другу и формой похожие на пчелиные соты (1997: 43).

Топографии и размерам сабашиновских поселений в литературе уделено достаточно внимания, а планировка и плотность застройки прослежены лишь на нескольких поселениях Северо-Западного Причерноморья. Три исследованных на поселении Грибовка II постройки эпохи поздней бронзы были расположены в ряд. И.Т. Черняков предположил уличную (двух- или трёхрядную) планировку поселения Болград (1985: 36,43-44). Уличная (двухрядная) планировка выявлена на поселении у с. Сухая Балка (Никитин 1971: 64; Черняков 1985: 34; Ключинцев 1993: 45; 1997а: 50). Уличная (в южной части шестирядная) планировка поселения Степовое своеобразно приспособлена к его расположению на склонах балки, которые перед постройкой жилищ выравнивались в виде уступов-террас (см., напр.: Черняков 1985: 33,43-44). Поэтому В.Н. Ключинцев выделял особый — террасный тип (схему) застройки (1993: 46; 1993а: 6; 1995: 9). По-разному называют исследователи планировку (застройку) поселения Щуцкое I в его верхнем стратиграфическом горизонте (Фоменко и др. 1993: 139; Ключинцев 1993: 46; 1993а: 6; 1995: 9; 1997а: 51; Елисеев 1995: 25). Я бы назвал тип застройки этого поселения в соответствующий период рассредоточенным, имея в виду зачастую значительные — до 40 м (см.: Фоменко и др. 1993: 139) — промежутки между ближайшими друг к другу строительными комплексами и наличие большого незастроенного пространства (см.: Южно-Украинская АЭС и археология 1995: 10, рис. 1). Что касается планировки поселения (конфигурации расположения строительных комплексов относительно друг к другу), то можно выделить три ряда построек: юго-западный, юго-восточный и северный (см.: Южно-Украинская АЭС и археология 1995: 10, рис.1). Строительный комплекс X находится хотя и севернее строительного комплекса VIII, но на небольшом расстоянии от последнего, не выпадая из северного ряда построек. Поселение Вороновка II, исходя из его

¹¹ Лучше не использовать в качестве синонима слово «гнездо» и однокоренных выражений, употребляющихся в литературе и в других значениях (см., напр.: Шарафутдинова 1982: 18; Ключинцев 1995: 9).

периодизации, предложенной в коллективной монографии (Ванчугов и др. 1991: 53)¹², на 1-м этапе характеризуется уличной планировкой (Кушнір 1995: 10; 1999: 65) при минимальном расстоянии между соседними жилищами 7-8 м, на 3-м — сплошной застройкой¹³, на 2-м этапе — смешанной планировкой: первый принцип представлен верхней частью поселения (раскоп «Б»), второй — нижней (раскоп «А») (см.: Ванчугов и др. 1991: 11,53,10 рис.3). Исследователи пишут об очень компактной (Балушкин та ін. 1993: 8), плотной (Фоменко и др. 1993: 139), гнездовой (Черняков 1989: 165), квартально-гнездовой (Клюшинцев 1995: 9; Кушнір 1999: 41-

¹² Эта периодизация мне представляется более вероятной, чем предложенная позднее В.Г. Кушніром (1995: 14; 1999: 68-69). Он пришёл к мнению о том, что верхнюю часть памятника (раскоп «Б») следует считать отдельным поселением Вороновка IIa (1995: 9-10; 1999: 63,65). Раньше, по предположению исследователя, возникла нижняя часть — поселение Вороновка II (как игравшее общественно значимую роль в микрорегионе), где самым ранним является помещение 4 (Кушнір 1995: 13-14; 1999: 65-68). В таком случае последнее является единственным известным помещением раннего этапа поселения Вороновка II, а позже в 40 м от этой ещё функционировавшей постройки появляется другое поселение — Вороновка IIa. Таково, во всяком случае, расстояние от помещения 4 до жилища III раскопа «Б». Но между некоторыми соседними объектами, условно названными в коллективной монографии жилищами, «поселения Вороновка IIa» расстояние не намного меньше (между соседними жилищами южного ряда IV и VIII — 24м). Более правдоподобным представляется относить помещение 4 раскопа «А» и жилища раскопа «Б» к одному и тому же поселению, но помещение 4, позднее перестроенное, просуществовало дольше (Ванчугов и др. 1991: 53).

¹³ Если под гнездовой схемой застройки подразумевать наличие обособленных друг от друга многокамерных комплексов (Клюшинцев 1995: 9) или плотную застройку лишь «отдельных участков» поселения (Черняков 1989: 165), то первая с квартальным типом застройки идентифицироваться (Клюшинцев 1993а: 6) не может, и поселению Вороновка II, пусть даже в каком-либо варианте, вопреки мнениям некоторых исследователей (Черняков 1989: 165; Клюшинцев 1993: 45-46; 1997а: 51), не присуща, особенно на последнем (3-м) этапе существования. Объединять это поселение по планировке в один тип с такими памятниками, как Анатолевка и особенно Болград (Клюшинцев 1993: 45-46; 1997а: 51), тем более не следует, по крайней мере, при нынешней степени изученности последних. Расплывчатая дефиниция гнездовой планировки в монографии И.Н. Шарафутдиновой, а в пример приводятся памятники, степень изученности которых не позволяет судить о планировке хотя бы сколько-нибудь значительных участков поселений (1982: 18,21,24-25), так же как И.Т. Черняковым — Змеевка (1989: 165) (вероятно имеется в виду комплекс саба-тиновского времени — см.: Шарафутдинова 1982: 32-33), т.к. планировка поселения в белозерский период (Шарафутдинова 1982: 27-31) существенно отличается от схемы застройки поселений Вороновка и Виноградный Сад, отнесённых И.Т. Черняковым по указанному принципу к тому же типу, что и Змеевка).

42), очень сложной сплошной (Шапошникова 1992: 82) или почти сплошной (Шарафутдинова, Балушкин 1997: 35) застройке поселения Виноградный Сад (это относится, по крайней мере, к верхнему строительному горизонту). Если учесть, что большая часть этого памятника в соответствующее время была застроена архитектурными блоками («кварталами»), а, например, в северной половине вдоль ручья (раскоп IV) — обособленными многокамерными жилищно-хозяйственными комплексами (Балушкин та ін. 1993: 7-8), то весьма уместно говорить о квартально-гнездовой планировке поселения (по крайней мере, в позднейший период существования последнего). Судя по отрывочным опубликованным сведениям (Елисеев 1994: 128; 1997: 49,62; 1997а: 52), застройка квартального типа (ту же терминологию см.: Клюшинцев 1993а: 6) бытовала, по крайней мере, на части поселения Октябри I.

Большинство саба-тиновских поселений образуют линейные сгущения (подробнее см.: Черниенко 1992а). Если поселения того или иного сгущения расположены по берегам какой-либо реки и её мелких притоков (в т.ч., разумеется, и балок), то оно будет состоять из нескольких линий (цепочек) памятников либо из одной такой линии и одного или нескольких отдельных поселений, расположенных в стороне от последней, но более или менее близко. Поэтому такие сгущения я отношу тоже к линейным (Черниенко 1992а: 31), а не к гнездовым (Клюшинцев 1993: 39; 1993а: 5-6; 1995: 8; 1997а: 50)¹⁴. Однако выделить группы сосуществовавших в какое-либо время саба-тиновских поселений Северо-Западного Причерноморья при нынешней степени их изученности, за редким исключением, невозможно. Не представляется убедительным мнение о сосуществовании даже «на протяжении определённого времени» всех поселений микрогруппы у с. Вороновка в XIII-XII вв. до н.э. (равно как и вообще предложенный вариант их относительной хронологии) (Кушнір 1989а; Кушнір 1995: 9-10,13-15; 1999: 65-70), а также всех поселений ренийской группы (Кушнір 1991: 24), как и нечётко, но улавливаемая версия о синхронности близко расположенных на какой бы то ни было территории саба-тиновских поселений (Кушнір 1992: 34; Кушнір 1995: 8-9; 1999: 95-97), т.к. разведки, в т.ч. шурфовки, не дали достаточного количества датировочного материала¹⁵, а возможное возникновение поселения по соседству с недавно прекратившим существование (см., напр.: Шарафутдинова 1982:

¹⁴ Весьма расплывчатая дефиниция В.Г. Кушніра: «... гнездовая планировка ... состояла из нескольких поселений» (1999: 41).

¹⁵ Вероятно, не случайно В.Г. Кушнір иллюстрирует фрагменты керамики только с поселения Вороновка II (и, по его понятиям, с поселения Вороновка IIa) (Кушнір 1995: 10,13,12 мал.2(1-9); 1999: 67,66 мал.19).

15-16, 145) не обязательно следует увязывать с истощением почвы, не говоря о возможных перерывах между прекращением функционирования одних поселений и возникновением по соседству других. Если под поселением Вороновка III, находившимся в 500 м от поселения Вороновка II и шурфовавшимся (Кушнір 1995: 9,10,11 мал.2; 1999: 65,63 мал. 17), подразумеваются выявленные разведкой 1985 г. в 200-250 м севернее раскопа «Б» два всхолмления почвы, в центре одного из которых шурфовкой и расчисткой зафиксированы остатки каменных стен наземной, по мнению исследователей, постройки, а к западу и югу от этих всхолмлений — ряд аналогичных пятен-скоплений, то последние, как отмечали авторы отчёта, расположены на протяжении 200-400 м непрерывной цепочкой и по внешнему виду не отличаются от комплексов раскопа «А» (Загинайло и др. 1984 отчёт: 22-23), а В.Г. Кушнір позднее писал в контексте своей хронологической концепции об уличной застройке поселения Вороновка III (Кушнір 1995: 10; 1999: 65). Впрочем, наблюдавшаяся визуально во время разведки планировка, несмотря на находки, относящиеся к эпохе поздней бронзы, не может решить вопроса о хронологическом соотношении нераскопанной компактной группы и остальных комплексов и сооружений у с.Вороновка, который авторы отчёта оставили открытым до проведения стационарных раскопок (Загинайло и др. 1984 отчёт: 23). Построения социально-экономического характера, основанные на подобных столь уязвимых (в первую очередь, с точки зрения микрохронологии) исходных посылах (Кушнір 1989а; 1992: 33-34; Ванчугов и др. 1991: 56; Кушнір 1995: 7-10,14-16; 1999: 67-71), также не могут быть убедительными. В силу вышеизложенного и непредсказуемости плотности застройки на нераскопанных поселениях и участках таковых при нынешней степени изученности памятников приведение конкретной плотности населения сабастиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье, тем более без каких-либо попыток обоснования (Давня історія України, т.1, 1997: 388), может лишь вызвать изумление.

Свою первую опубликованную работу, посвящённую основным тенденциям в эволюции домостроительства и изменениям в образе жизни населения Северо-Западного Причерноморья в эпоху поздней бронзы (Черниенко 1989а), в настоящее время я считаю преждевременной, поверхностной, основанной на упрощённой схеме монолинейного эволюционизма. Особенно это касается тенденций, которые якобы имели место на протяжении сабастиновского этапа. К тому же, относительная хронология сабастиновских древностей, в т.ч. строительных остатков, нуждается в проверке на материалах стратифицированных поселений эпохи поздней бронзы, прежде всего степного Побужья.

В последнее десятилетие появились более

серьёзные, чем ранее, попытки социально-экономических реконструкций на основе анализа строительных остатков сабастиновских поселений, в частности, Северо-Западного Причерноморья, нередко в совокупности с анализом других источников (Шарафутдинова 1989: 256; 1989а: 172,176; 1990: 83; Черняков 1989: 166,167; 1994: 27; Кушнір 1989а; 1992: 33-34; Черниенко 1990а: 80; Ключинцев 1993: 68,154,156,159; 1993а: 11-12,14,15; 1995: 22-24; 1997: 97; 1997а: 52; Балушкин та ін. 1993: 8-9; Кушнір 1995; 1999: 67-71,90-92,94-99,145-146,181,184; Елисеев 1996; 1997: 42; Шарафутдинова, Балушкин 1997: 36; Давня історія України, т.1, 1997: 486). К сожалению, не всегда суждения аргументируются, детализируются. Так, неясна причинно-следственная связь между характером хозяйства поселений и существенными различиями в планировке комплексов на первых (Елисеев 1997: 42). Остановимся на наиболее дискуссионных моментах.

Вероятно, недоразумением или опечатками следует считать утверждение: «Очевидно, что небольшие постройки предназначались для большой семьи, или нескольких родственных малых семей» (Ключинцев 1993: 68; 1997а: 52). Мною была предпринята попытка увязать площади жилых помещений сабастиновского времени в Северо-Западном Причерноморье с характером (прежде всего отражающим количественный состав) живших в них семей (Черниенко 1990а: 80; 1991: 63-64). Никакого отклика на неё не чувствуется в тезисах В.Ф. Елисеева, посвящённых реконструкции семейной структуры на основе домостроительства эпохи поздней бронзы степного Побужья (1996). Упомянув В.С. Сорокина, С.С. Березанскую и И.Н.Шарафутдинову как специалистов по демографии и социальному устройству андроновской, срубной, восточно-тшинцевой и сабастиновской культур, В.Ф. Елисеев не ссылается на конкретные работы «большинства исследователей», в которых бы обосновывались правомерность использования тех или иных этнографических аналогий для выводов об удельной жилплощади на поселениях эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье в пределах 3-8 кв. м, и сам не обосновывает использованные им подобные нормы, а в качестве этнографической аналогии упоминает в последней фразе тезисов лишь народы банту (Елисеев 1996: 120,121). Такой подход не может быть выигрышным по сравнению с предложенным автором этих строк и основанным на использовании относительно обширного этнографического материала (см.: Черниенко 1991: 63-64). В.Ф. Елисеев, определяя характер семей, населявших жилища разных по площади групп, в т.ч. выделяя группу для проживания нуклеарных семей, исходит только из первой (1996: 120), но не из контекста «архитектурных единиц» того же и более высоких рангов. Два поколения — родители и 5-7 детей —

большесемейным коллективом (Елисеев 1996: 120) не являются (см.: Косвен 1963: 207). Интерпретация жилищ третьей группы (Елисеев 1996: 120), если имеются в виду площади жилых помещений, а не многокамерных жилищно-хозяйственных комплексов и т.п., в целом согласуется с моей (Черниенко 1990а: 80; 1991: 64), не считая приведения конкретного количества жителей и слова «патриархальная» в работе В.Ф. Елисеева.

В.Г. Кушнир, на мой взгляд, убедительно обосновывает обособленность каждой семьи, осуществлявшей жизнедеятельность в своём жилищно-хозяйственном комплексе архитектурного блока поселения Вороновка II (1999: 91; ср.: Кушнир 1989а: 126; Ванчугов и др. 1991: 60; Кушнир 1995: 15-16; 1999: 70). Спорным является вопрос об общественной собственности на скот и о традиционном распределении туши животного между семьями (Кушнир 1999: 91-92). Локализация находок костей здесь мало помогает, т.к. большинство последних, по всей вероятности, выбрасывались на свалки и в мусорные ямы. Как мне кажется, хотя бы небольшое количество домашних животных могло содержаться, например, в хозяйственных помещениях 17 и 23 с относительно широкими входами (ср.: Кушнир 1999: 92). Выше указывалось на уязвимость хронологических и основанных на них социально-экономических построений В.Г. Кушнира. Так, не приводится оснований для хронологической увязки изменения планировки поселения Вороновка II и его хозяйственно-бытовых комплексов, появления хозяйственных отсеков в жилищах с распадом локальных групп и другими дестабилизационными процессами в позднесабатиновский период или в конце последнего (см.: Кушнир 1995: 15-16; 1999: 69-70; Кушнир 1989а). Тем более невозможно согласиться с тем, что хозяйственные отсеки «могли появиться с возникновением распределения между семьями» (Кушнир 1989а: 126), на самом деле уходящего корнями в глубокую древность. Первые же характерны для жилых и хозяйственных помещений сабатиновских поселений (Шарафутдинова 1989а: 172). Связывая появление упомянутых отсеков с превращением семей «в самостоятельную экономическую единицу» или с экономическим усилением и повышением роли отдельных семей, В.Г. Кушнир не сопоставляет последние с типами семей предшествующих периодов, упоминая лишь о роли микрогруппы поселений у с. Вороновка как единого социально-экономического комплекса (1989а; 1995: 15-16; 1999: 69-70) с иерархической структурой (Кушнир 1999: 69) и о формировании различных микрогрупп как устоявшейся структуры родового уклада в результате естественного разрастания родовых общин (Кушнир 1999: 70-71). Наконец, неясно, каким именно образом экономическое усиление семей могло повлиять не просто на децентрализацию, а на многократное

уменьшение количества поселений в Северо-Западном Причерноморье в белозерское время (см.: Кушнир 1989а; Кушнир 1999: 70-71).

Попытаемся детализировать характер семей, населявших те или иные помещения архитектурных блоков поселения Вороновка II. Основываясь на предложенных мною подходах (Черниенко 1990а: 80; 1991: 63-64) и учитывая приведённое выше мнение об обособленности каждой или, как увидим ниже, почти каждой из таких семей, можно допустить, что в помещениях 3 и 11 жили малые нуклеарные семьи, в помещениях 1, 2, 4, 5, 7, 12, 20 раскопа «А» и в жилище III раскопа «Б» — расширенные. В помещениях 15 и 16, судя по их небольшой площади и принадлежности к одной трёхкамерной постройке, возможно, жила ограниченно-расширенная семья (терминологию для обозначения типов семей см.: Хазанов 1975: 278, прим.1).

Связывать архитектурные блоки, квартальную планировку или сплошную застройку некоторых сабатиновских поселений с пришлой традицией (Елисеев 1997: 43; Ключинцев 1993: 69; 1997а: 52; Ванчугов, Раллев 1999) не обязательно. Подобные явления широко известны и археологически, и этнографически (дома-массивы Средней Азии, начиная с энеолита, мексиканские пуэбло и т.д.).

Заслуживает внимания мнение о том, что, учитывая существование большинства сабатиновских поселений в сходных природно-географических и топографических условиях (при избытке свободных площадей), объяснение особенности планировки нижней части поселения Вороновка II следует искать в социальной сфере (Ванчугов и др. 1991: 60). То же, вероятно, можно отнести и к поселению Октября I, расположенном на склоне балки, впадающей в Березанский лиман (см.: Черняков 1985: 431). Из всех факторов, влиявших на общую архитектуру, выделенных О.Г. Шапошниковой (1992: 82), именно социальный нужно поставить в данном случае во главу угла. На мой взгляд, не исключено, что расположение построек единичными архитектурными блоками являлось отражением какого-то единства населявших каждый из последних семей, возможно, патронимического (этнографические параллели см.: Косвен 1963: 115,194). По-видимому, исследованные постройки раскопа «А» принадлежали двум патронимиям, т.к. двory «А» и «Б» чётко делят исследованный участок на две части (2 «квартала»). Если верно, что помещение 4 было построено раньше других в южном «квартале» (см., напр.: Ванчугов и др. 1991: 53) и что площадь первого до перестройки была намного больше 60 кв. м (Загинайло 1983 отчёт: 34), то можно предположить, что разделение большой расширенной семьи, жившей в этом помещении, дало начало патронимии, населявшей этот «квартал». Не исключено, что в помещении 4 жила старшая в патронимии семья и глава этой

патронимии (ср.: Косвен 1963: 62-63,68,69). Рас-сеянная, уличная или иная планировка не до-казывает отсутствия патронимий. Но изменение характера застройки поселения Вороновка II на поздних этапах (см. выше) позволяет, на наш взгляд, предположить, что семьи, населявшие архитектурный блок, были связаны между со-бой более тесными узами, чем семьи, обитав-шие ранее в обособленных жилищах.

Предполагаемая иерархия сабатиновских поселений (Шарафутдинова, Балушкин 1997: 36; Кушнір 1999: 68, 69; 1995: 14; Черняков 1989: 167; 1994: 26, 27; Черниенко 1992а: 31, 32; Ключинцев 1993: 154, 156; 1993а: 14; 1995: 23; 1997: 96, 97; Елисеев 1997: 42), наряду с другими фак-торами, позволяет соотнести одноимённую куль-туру с оседлоземледельческо-скотоводческим вариантом неурбанистического пути развития ранних комплексов обществ (Черниенко 1992: 24-25; 1994а: 36-37,39), но, как это видно, в част-ности, по результатам сопоставлений с три-польским обществом (см.: Черниенко 1994а: 36-39), с наиболее архаической стадией развития последних, т.к. сколько-нибудь отчётливые при-знаки крупномасштабной организованной дея-тельности (см., напр.: Массон 1991: 10) на са-батиновских памятниках отсутствуют (на роль одного из этих признаков крупные сабатиновские поселения на современном этапе знаний претендовать, видимо, не могут). К формирова-нию цивилизации, к уровню которой, по мнению В.Н. Ключинцева, подошла сабатиновская куль-тура (1993а: 14), упомянутый путь непосред-ственно не вёл (Массон 1991: 11), несмотря на приведённые, в частности, В.Н. Ключинцевым обстоятельства, в т.ч. и связанные с домостро-ительством (Ключинцев 1993а: 14; 1995: 23), свидетельствующие об усложнённой внутрен-ней структуре сабатиновского общества.

Поселения Виноградный Сад, Вороновка II (по крайней мере, на последних этапах их су-ществования) и, возможно, Октябри I обладали двумя выделенными Ю.В. Андреевым призна-ками, обязательно присущими квазигороду, ко-торый, по его мнению, соответствует наиболее раннему этапу процесса урбанизации (см.: Ан-дреев 1989: 12-13). Регулярная линейно-улич-ная планировка «кварталов» северной части по-селения Виноградный Сад, по крайней мере, в позднейший период (Балушкин та ін. 1993: 8), — ещё один признак квазигорода (см.: Андреев 1989: 12-13). Архитектурные блоки некоторых сабатиновских поселений в какой-то мере со-поставимы с «инсулами» некоторых эгейских квазигородов эпохи ранней бронзы, связывае-мых Ю.В. Андреевым с большесемейными об-щинами, внутренне ещё очень слабо диффе-ренцированными (см.: Андреев 1989: 14, 42, 45 и др.). В дальнейшем социальная диффе-ренциация общины определяла различия домов в пределах инсуп (Андреев 1989: 61, 62 и сл.), если исходить из позиции Б.А. Тимошука (1990:

84), то отличие большесемейных общин от патронимий лишь в том, что последние могут состоять не только из больших семей (см.: Ко-свен 1963: 102,118). По мнению Ю.В. Андреева, в архитектурном плане многие раннегреческие протогорода, кроме дворцовых центров, могут быть сведены к нескольким модификациям од-ной и той же исходной формы квазигорода III тыс. до н.э., да и дворцы, пусть очень опосре-дованно, восходят к большим домам эпохи ран-ней бронзы (1989: 86-88,98-99,112-113,117-118,149-150,182,217,221). Но на развитие архитектуры Греции влияли урбанизация и эволюция над-семейных структур, обусловленные определёнными экономическими и социально-политичес-кими факторами, по которым Северное Причер-номорье эпохи поздней бронзы сильно отлича-лось от Эгейского мира (см.: Черниенко 1992: 24-25). Я предостерегал от преувеличений в со-поставлениях некоторых сабатиновских поселе-ний с «бездворцовыми городками» Ахейской Греции, особенно по благоустройству и соци-ально-экономическим функциям, как и вообще этих регионов (Черниенко 1992: 24-25; см. так-же: Давня історія України, т.1, 1997: 486,490). С тех пор, к сожалению, некоторые исследовате-ли зашли в этом плане слишком далеко. В.Н. Ключинцев писал о сабатиновских протогоро-дах (1993: 154; 1993а: 14; 1995: 23-24; 1997а: 52) и даже городах, о расцвете градостроитель-ства в Северном Причерноморье в сабатинов-ское время, о наличии ряда памятников с мате-риальной культурой протогородского типа в не-которых регионах сабатиновской культуры и даже о необходимости постановки вопроса оп-ределения и выделения «сабатиновской прото-городской цивилизации» (1997а: 52). Это тем бо-лее удивительно, что В.Н. Ключинцев же отмечал, что сабатиновская культура характеризует до-городской период развития в истории юга Укра-ины (1993: 159), что сложение подлинно город-ской культуры в Северном Причерноморье про-изошло не в сабатиновское, а в античное вре-мя (1993а: 14; 1995: 24). Исследователи посе-ления Виноградный Сад относят его к древним протогородам (Балушкин та ін. 1993: 9). Но так называемый «городской» характер застройки (Черняков 1994: 26,27), или домостроительство «протогородского» типа (Ключинцев 1995: 23), может быть свойственным не только протого-родам или «посёлкам городского типа» (Балуш-кин та ін. 1993: 8), но и квазигородам (см.: Ан-дреев 1989: 12-13). Попытки выделения произ-водственных (ремесленных) кварталов (райо-нов, участков, центров) на поселениях (Шара-футдинова 1989: 256; 1990: 83; Черняков 1989: 166; 1994: 26; Ключинцев 1993: 86-87,103,154,156; 1993а: 7-9,11; 1995: 16-17,22,23; Кушнір 1999: 90) сами по себе в этом плане ещё не показатель. По сведениям Т.В. Блаватской, из чьего определения протогорода якобы исхо-дил В.Н. Ключинцев, не сославшись на конк-

ретную работу (Ключинцев 1997а: 52), в ахейских городках — ремесленных центрах ремёсла были основным занятием жителей (Блаватская 1976: 107, 108, 112; 1966: 115 и сл.), говорить же об отделении ремесла от сельского хозяйства в сабастиновском обществе (Ключинцев 1993: 156), хотя уровень развития непищевого производства и был относительно высок, в полном смысле слова не приходится. Если и можно выделять специализированные ремесленные поселения (Ключинцев 1993: 156), то вряд ли основным занятием на них было ремесло. При всей отрывочности сведений о производственных кварталах на сабастиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья, полагаю, что вряд ли, даже при концентрации специализированных помещений в центре или на окраине поселений или при обособленном расположении производственных центров (Ключинцев 1993а: 7), какой-либо квартал был сугубо производственным. Скорее всего, при каких бы то ни было производственных функци-

ях кварталы оставались, как, например, на поселении Виноградный Сад, «блоками жилищно-хозяйственного назначения» (Шарафутдинова, Балушкин 1997: 35). На сабастиновских поселениях зачастую «различные домашние занятия дополняли постоянный труд земледельца и скотовода», следы производственной деятельности обнаружены «почти во всех жилищах или жилищно-хозяйственных комплексах» (Шарафутдинова 1989а: 176-177; см. также: Шарафутдинова, Балушкин 1997: 36), а в собственно ремёсла превращались максимум три отрасли (см.: Черниенко 1994а: 36-37). Иными словами, если отчётливо представлять себе уровень разделения труда в обществах, действительно пошедших по урбанистическому пути развития, то об урбанизации в сабастиновском обществе всерьёз утверждать не придётся. Можно говорить лишь о некоторых её признаках (Ванчугов 1990: 3) и тенденциях (см.: Черниенко 1992: 25). Вполне закономерно, что эволюция сабастиновских поселений не зашла дальше стадии квазигородов.

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С.М. 1997. Памятники позднесабастиновского времени в степной Молдавии // Сабастиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез. докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев — Николаев — Южноукраинск.
- Агульников С.М., Левинский А.Н. 1990. Исследования на поселении у г. Каушаны // АИМ в 1985 г. Кишинёв: Штиинца.
- Агульников С.М., Чирков А.Ю. 1989. Итоги работ Буджакской новостроечной экспедиции в Нижнем Подунавье // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти профессора А.И.Доватура). Тез. докл. науч.-практ. сем. Рени.
- Александровский А.Л. 1997. Степи Северного Кавказа в голоцене по данным палеопочвенных исследований // Степи и Кавказ (культурные традиции). — Труды ГИМ. 97.М.
- Андреев Ю.В. 1989. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л.: Наука.
- Балушкин А.М. 1990. Костяные изделия сабастиновской культуры по материалам поселений Ташлык и Виноградный Сад на Южном Буге // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбил. конф. Ч.1. Херсон.
- Балушкин О.М., Красильников К.И., Шарафутдинова И.М. 1993. Виноградный Сад — поселения сабастиновской культуры на Південному Бузі // АДУ 1992 р. Київ.
- Балушкин О.М., Красильников К.И., Шарафутдинова И.М. 1997. Поселения Виноградный Сад на Південному Бузі // АДУ 1993 р. Київ.
- Березанская С.С. 1997. Сравнительная характеристика сабастиновской и срубной культур на территории Украины // Сабастиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез. докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка.
- Березанская С.С., Цвек Е.В., Ключко В.И., Ляшко С.Н. 1994. Ремесло эпохи энеолита — бронзы на Украине. Киев: Наукова думка.
- Блаватская Т.В. 1966. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М.: Наука.
- Блаватская Т.В. 1976. Греческое общество II тыс. до н.э. и его культура. М.: Наука.
- Болтенко М.Ф. 1949. Археологические раскопки на западном берегу Березанского лимана в Викторовке Тилигуло-Березанского района Николаевской области в 1949 году. Отчёт. Арх. ОАМ НАН Украины, инв. №924.
- Ванчугов В.П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка.
- Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1991. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка.
- Ванчугов В.П., Раллев А.Б. 1999. Поселение поздней бронзы Вороновка II и его реконструкция // Проблемы теории и истории архитектуры Украины. Сб. науч. труд. Одесса: ИМК «Город мастеров».
- Ванчугов В.П., Тоцев Г.Н., Черняков И.Т. 1985. Землянки позднего бронзового века в Нижнем Подунавье // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
- Горбов В.Н. 1989. О применении камня в домостроительстве срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. обл. науч.-практ. сем. Донецк.
- Горбов В.Н. 1997. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. 6. Донецк.
- Горбов В.Н. 1997а. О различиях срубного и сабастиновского каменного домостроительства // Сабастиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез. докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.

- Гребенников Ю.С., Шевчук А.В. 1995. Археологические памятники Степного Побужья периода меди — бронзы // *История, этнография, культура. Нові дослідження. Тези доп. першої обл.науч.красн.-конф. Миколаїв.*
- Давня історія України 1997. В трьох томах. Т.1. Первісне суспільство. Київ: Наукова думка.
- Дергачёв В.А. 1982. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинёв: Штиинца.
- Дергачёв В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца.
- Елисеев В.Ф. 1981. О технике каменного домостроительства в эпоху поздней бронзы в Северном Причерноморье // *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез.докл. респ.конф. мол.уч. Киев: Изд-во АН УССР.*
- Елисеев В.Ф. 1990. Домостроительство эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // *Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез.докл.юбил.конф. Ч.1 Херсон.*
- Елисеев В.Ф. 1994. О двух планировочных принципах в каменном домостроительстве эпохи поздней бронзы Степного Побужья // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э. Мат.международ. археол.конф. Тирасполь.*
- Елисеев В.Ф. 1996. Домостроительство эпохи бронзы Степного Побужья как источник для реконструкции семейной структуры // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Мат. междунар. конф. Ч.1. Донецк.*
- Елисеев В.Ф. 1997. Некоторые вопросы домостроительства эпохи поздней бронзы в Степном Побужье // *Сабатиновская и срубные культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез.докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.*
- Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н. 1995. Домостроительство Степного Побужья в эпоху поздней бронзы. (Истоки и традиции). // *История, этнография, культура. Нові дослідження. Тези доп. першої обл.науч.красн.-конф. Миколаїв.*
- Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н. 1997. Жилища сабатиновской культуры // *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез.докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.*
- Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н. 1997а. О роли окружающей среды в домостроительстве позднего периода эпохи бронзы в Северном Причерноморье // *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез.докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.*
- Загинайло А.Г. 1983. Отчёт об археологических исследованиях в зоне строительства второй очереди порта Южный в 1983г. // *Арх. ОАМ НАН Украины, инв. № 89043/1.*
- Загинайло А.Г. 1985. Раскопки поселения Вороновка // *АО 1983 г. М.: Наука.*
- Загинайло А.Г., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1989. Итоги исследования поселения поздней бронзы Вороновка II // *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. Київ: Наукова думка.*
- Загинайло А.Г., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1989а. Охранные археологические исследования Одесского государственного университета им. И.И.Мечникова и Одесского археологического музея АН УССР на Григорьевском лимане в 1983-1984 гг // *Воспитание историей. Тез. первой обл.истор.-краев.конф., посв. 200-летию г. Одессы. Одесса.*
- Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г., Ванчугов В.П., Косоглазенко К.А. 1984. Отчёт о работе новостроечной экспедиции «Южная-84» в 1984 году. // *Арх. ОАМ НАН Украины, инв. №98300/4.*
- Каврук В.И. 1985. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Центральной Молдавии // *АИМ в 1981 г. Кишинёв: Штиинца.*
- Ключинцев В.Н. 1981. Поселения сабатиновского типа в степном Побужье // *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез.докл.респ.конф. мол. учёных. Киев: Изд-во АН УССР.*
- Ключинцев В.Н. 1993. Поселения сабатиновской культуры степного Побужья. — Дис. ... канд.ист.наук. Киев.
- Ключинцев В.Н. 1993а. Поселения сабатиновской культуры степного Побужья. — Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Киев.
- Ключинцев В.Н. 1995. Поселения земледельцев и скотоводов позднего бронзового века Гранитно-Степного Побужья. Киев — Южноукраинск.
- Ключинцев В.Н. 1997. Культурный ландшафт и поселения эпохи поздней бронзы (постановка проблемы) // *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез.докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.*
- Ключинцев В.Н. 1997а. Сабатиновская культура в Побужье (поселения и жилища) // *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез.докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.*
- Колотухин В.А. 1990. Поселение Бурун-Эли в Северо-Западном Крыму // *Древности степного Причерноморья и Крыма 1. Запорожье.*
- Косвен М.О. 1963. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР.
- Крыжицкий С.Д. 1965. Про методику опису кладок міст Північного Причерномор'я VII ст. до н.е. — IV ст. н.е. // *Археологія, 18.*
- Крыжицкий С.Д. 1981. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // *КСИА. 168. М.*
- Крыжицкий С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в.н.э.). Киев: Наукова думка.
- Крыжицкий С.Д. 1986. Строительство и архитектура // *Археология Украинской ССР. В трёх томах. Т.2. Киев: Наукова думка.*
- Кушнир В.Г. 1984. Дневник ведения раскопок на участке «Б» поселения эпохи поздней бронзы Вороновка II. — *Арх. ОАМ НАН Украины, инв. № 89300/1.*
- Кушнир В.Г. 1989. Домостроительные комплексы поселения Вороновка II // *Воспитание историей. Тез. первой обл.истор.-краев.конф., посв. 200-летию г. Одессы. Одесса.*
- Кушнир В.Г. 1989а. Проблема локализации сабатиновских поселений Северо-Западного Причерноморья (по материалам группы поселений у с.Вороновка) // *Проблеми історії та археології давнього на-*

- селення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. Київ: Наукова думка.
- Кушнір В.Г. 1991. Формы скотоводческого хозяйства Ренийской группы поселений сабастиновской культуры // Археология и история Нижнего Подунавья (вторые чтения памяти А.И. Доватура), Тез. докл.-конф. Рени.
- Кушнір В.Г. 1992. Хозяйственная специфика и типы поселений сабастиновской культуры // Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза. Тез. докл. сем. Одесса.
- Кушнір В.Г. 1994. Хозяйственно-бытовые комплексы эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. КСООА. Одесса.
- Кушнір В.Г. 1995. Воронівський комплекс і проблема локалізації поселень сабастинівської культури // Старожитності Причорномор'я. 1. Одеса.
- Кушнір В.Г. 1999. Господарство і побут паселення Південно-Західної України в епоху розпаду первісного суспільства (II тис. до н.е.). Одеса: Гермес.
- Левинский А.Н. 1987. Раскопки поселений черняховской культуры // АО 1985 г М.
- Левицький О.Г., Савва Е.Н. 1991. Некоторые аспекты развития хозяйственных систем эпохи средней и поздней бронзы в Молдове // Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы. Кишинёв: Штиинца.
- Лесков А.М. 1975. Предскифский период на юге Украины. — Автореф. докт. дис. М.
- Массон В.М. 1991. Майкопский феномен и концепция ранних комплексных обществ // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Междунар. симп. тез. докл. Л.
- Монгайт А.Л. 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука.
- Никитин В.И. 1971. Поселение эпохи бронзы у с. Сухая Балка // АИУ в 1968г. 3.
- Петренко В.Г. 1984. Дневник новоостроевской экспедиции «Южная-84». — Арх. ОАМ НАН Украины, инв. № 89300/1.
- Петренко В.Г. 1991. Курган бронзового века у с. Старые Баляры // Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнір В.Г., Петренко В.Г. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка.
- Погребова Н.Н., Кондрацкий Л.В. 1960. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского р-на Николаевской обл. // КСИИМК. 78.
- Постикэ Г.И. 1981. Исследование многослойного поселения Ханска // АО 1980 года. М.: Наука.
- Постикэ Г.И. 1988. Раскопки поселения Мерены II // АО 1986 г.
- Приходько В.Е., Иванов И.В. 1982. Влияние почвообразования на изменение мощности суглинистых пород Русской равнины // Почвоведение. 10.
- Сикорский А.А., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н. 1997. Новые материалы по металлообработке эпохи поздней бронзы междуречья Тилигула и Ингульца // Сабастиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез. докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.
- Смиленко А.Т. 1983. Раскопки поселения Суворово I // АО 1981 г.
- Тимошук Б.А. 1990. Восточнославянская община VI-X вв. н.э. М.: Наука.
- Фоменко В.Н., Елисеев В.Ф., Шевченко Н.П. 1997. Раскопки поселения эпохи поздней бронзы Щуцкое-I на р. Бакшале // АДУ 1993 року. Київ.
- Фоменко В.Н., Чердниченко Н.Н., Елисеев В.Ф., Кириченко А.В. 1993. Раскопки сабастиновского поселения Щуцкое I на р. Бакшале // АДУ 1992 р.
- Фоменко В.Н., Шевченко Н.П. 1996. О биолокализационных исследованиях на поселении сабастиновской культуры Щуцкое I в Побужье // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Мат. междунар. конф. Ч. II. Донецк.
- Хазанов А.М. 1975. Социальная история скифов. М.: Наука.
- Черниенко Ю.А. 1989. К вопросу о функциональном анализе построек позднебронзового века в Северо-Западном Причерноморье // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. Київ: Наукова думка.
- Черниенко Ю.А. 1989а. Об эволюции строительного дела и изменениях в образе жизни населения нашего края в позднем бронзовом веке // Воспитание историей. Тез. первой обл. истор.-краев. конф., посв. 200-летию г. Одессы. Одесса.
- Черниенко Ю.А. 1989б. Проблемы изучения строительного дела населения Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке (постановка вопроса) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. обл. конф., посв. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. 1. Запорожье.
- Черниенко Ю.А. 1990. К характеристике домостроительства в степном Днестро-Пруто-Дунайском междуречье в эпоху поздней бронзы // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. истор.-краев. конф. Ч. II. Археология. Белгород-Днестровский.
- Черниенко Ю.А. 1990а. О формальной классификации помещений сабастиновских поселений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбил. конф. Ч. I. Херсон.
- Черниенко Ю.А. 1991. О принципах формальной классификации помещений сабастиновских поселений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон.
- Черниенко Ю.А. 1991а. Строительное дело населения сабастиновской и белозерской культур Днестро-Пруто-Дунайского междуречья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.). Мат. междунар. конф. Киев.
- Черниенко Ю.А. 1992. Концепция ранних комплексных обществ и поздний бронзовый век Северного Причерноморья // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. — Археологические изыскания. «2. СПб.
- Черниенко Ю.А. 1992а. О системе расселения в Северо-Западном Причерноморье позднего бронзового века // Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза. Тез. докл. сем. Одесса.
- Черниенко Ю.А. 1993. Строительное дело населения белозерской культуры: традиции и новации // Древности Причерноморских степей. Киев.: Наукова думка.
- Черниенко Ю.А. 1994. Домостроительство населения сабастиновской культуры // Древнейшие общнос-

- ти земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Мат. междунар. археол. конф. Тирасполь.
- Черниенко Ю.А. 1994а. Трипольская и сабатиновская культуры: основные тенденции социально-экономического развития двух асинхронных ранних комплексных обществ // Древнее Причерноморье. КСАО. Одесса.
- Черниенко Ю.А. 1997. Общее и особенное в домостроительстве различных районов сабатиновской культуры // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез. докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.
- Черняков И.Т. 1966. Слой поздней бронзы Болградского поселения (по раскопкам 1961-1963 гг.) // КСИА 106.
- Черняков И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев: Наукова думка.
- Черняков И.Т. 1989. «Город людей киммерийских» Гомера в археологических реалиях Северного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. обл. конф., посв. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. 1. Запорожье.
- Черняков И.Т. 1994. Ноа-Кослодженско-Сабатиновская культурно-историческая общность и проблема фрако-киммерийского единства в эпоху поздней бронзы — раннего железа // Masivul Traco-Cimerian. Probleme actuale. Simpozion Internațional. Chișinău: Știința.
- Черняков И.Т. 1997. Сабатиновская культура — северо-восточная ойкумена балкано-карпатских культур // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез. докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.
- Чмихов М.О. Черняков И.Т. 1988. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді — бронзи на території України. Київ: НМК ВО.
- Шапошникова О.Г. 1992. Розкопки в Бузько-Ингулецькому межиріччі // Археологія. (1).
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Гребенников Ю.С., Балушкин А.М., Ключинцев В.Н., Магомедов Б.Л., Елисеев В.Ф., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А., Некрасова А.Н., Довженко Н.Д., Чмыхов Н.А. 1977. Работы Ингульской экспедиции // АО 1976 г.
- Шарафутдинова И.Н. 1979. Раскопки поселения сабатиновской культуры у с. Степовое // АО 1978 г.
- Шарафутдинова И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова И.Н. 1987. Исследование поселения сабатиновской культуры на Южном Буге // АО 1985 г.
- Шарафутдинова И.Н. 1988. Раскопки поселения у с. Виноградный Сад на Южном Буге // АО 1986 г.
- Шарафутдинова И.Н. 1989. Новое в исследовании сабатиновской культуры // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. Київ: Наукова думка.
- Шарафутдинова И.Н. 1989а. Хозяйство племён сабатиновской культуры // Первобытная археология. Материалы и исследования. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова И.Н. 1990. О металлообрабатывающем производстве на сабатиновских поселениях // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбил. конф. Ч. 1 Херсон.
- Шарафутдинова И.Н., Балушкин А.М. 1997. Поселение Виноградный Сад и проблемы сабатиновской культуры // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Тез. докл. 1-го Всесоюзного полевого сем. Киев-Николаев-Южноукраинск.
- Южно-Украинская АЭС и археология (путеводитель по выставке) 1995. Южноукраинск.
- Sava E. 1994. Eposa Bronzului — perioadă mijlocie și târzie, see XVII — XII i.e.n. // Thraco-Dacica. XV: 1-2. București.